

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ

Сар-Терел

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1970

Д а в и д
КУГУЛЬТИНОВ

Сар-
Перел
сказки

перевод с калмыцкого

Имя Давида Кугультинова, народного поэта Калмыкии, лауреата Государственной премии, хорошо знают любители поэзии не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

В сборник «Сар-Герел» вошли четыре калмыцкие сказки, поэтически обработанные Давидом Кугультиновым, великолепным знатоком устного калмыцкого народного творчества.

В сказках говорится об извечном и беспредельном стремлении к свободе, о могучих и храбрых богатырях, побеждающих силы зла, о благородстве простого человека, жертвующего жизнью ради родного народа, о великом торжестве любви и добра над злом и жестокостью.

Сказки Давида Кугультинова всем своим содержанием созвучны современности, потому что воспитывают в юном читателе чувство патриотизма, чувство любви к Отчизне.

ПЕСНЬ ЧУДЕСНОЙ ПТИЦЫ

Та земля, что всегда мила,
Что опорой верной была
С самых первых наших шагов,
И небесный ее покров,
Что сияет, счастье суля,
Та единственная земля,
Что мы родиною зовем, —
Вот о чем мы песни поем.

* * *

В давнее время в одной из стран
Жил, истомясь от безделья, Хан.

Днем он ослушников тайных казнил,
Вечером правил свое торжество.
Не помогало ему ничего.
Был Солнцеликому свет не мил:
Черная Скука терзала его.
И во дворец созывает Хан
Лучших нойонов¹ земли своей.

Смотрит на них и зевает Хан:
— Скуку прогнать помогите живей!
Если не сможете — тотчас казню.
Если поможете — повременю, —
Вымолвил Хан, продолжая зевать...
В страхе дрожит присмирившая знать.

Тут выходит вперед нойон...
Как верблюд, горбат тот нойон.
Точно шар, его череп гол.
Борода подметает пол.

Как посмотришь, так вовсе плох
Сухопарый этот нойон.
Но пройдохю из пройдох,
Говорят, был старый нойон.

На колени пред Ханом пал
И такие слова сказал:

— Солнцеподобный светоч земли!
Речи беззлойной старца внемли!

¹ Нойон — князь.

Что дальше — понятно Визирю без слов.
Бледнеет Визирь и зовет мастеров.

Построили Птице дворец золотой
С решеткою частой, искусно витой.

Из пуха лебяжьего ложе ее.
Прощупано стражей ложе ее.

Заморские яства, имбирь и шафран,
Еду, что не часто вкушает и Хан,

На плавных верблюдах для Птицы везут
И Птице на блюдах хрустальных несут.

А Хану не спится. Он встал на заре —
Послушать, как Птица поет во дворе.

С рассвета он думает только о ней...
Сапожки сафьянные, крови красней,

Он на босу ногу надел сгоряча.
И шуба соболя спадает с плеча...

На Птицу взирая, он думает так:
«Проклятая Скука попала впросак:

Рассеется Скука, чуть песнь зазвучит!...»
Но Птица — ни звука. Но Птица молчит.

Назавтра Высокостепенный опять
Торопится Птицу свою увидеть,
И, на босу ногу сапожки надев,
Смирняя тревогу и ханский свой гнев,
Спешит он, в надежде, что песнь зазвучит,
Но Птица, как прежде, молчит и молчит.

Не спит Солнцеликий, не ест и не пьет:
— Что ж Птица моя до сих пор не поет?
Дворец ли ей тесен? Иль Птица больна?..
А может, для песен нужна тишина?!

Он кличет Визиря, открытию рад...
— Единственный в мире, ты знаешь, мой
сад.

Садов драгоценней нет в ханстве моем,
Не сыщешь растений, чтоб не было в нем!

Он — в розовых звездах, в блистании рос,
В нем полнится воздух дыханием роз.
Прохлада струится. Фонтаны журчат...
Немедленно Птицу отправьте в мой сад!

Отправлена Птица со всей быстротой.
В бесценном саду ее дом золотой
Стоит меж ветвями, курится над ней
Зеленое пламя душистых ветвей.

Тюльпаны глядятся, как девушки, в пруд.
Фонтаны клубятся, и розы цветут,
А воздух пьянит, как хмельная арза...¹
Но Птица уныло прикрыла глаза,
У Птицы по-прежнему горестный вид.
Нахохлилась Птица, на свет не глядит.

Встревоженный Хан рассылает гонцов.
Зовет он кудесников и мудрецов:
Немедленно птичий недуг изучить
И с помощью хитрых наук излечить!

¹ Арза — водка, приготовленная из молока.

Иначе...
Спешат мудрецы чередой,
Одна Борода за другой Бородой.

И за старичком старичок
Над покорной Птицей мудрят,
В горло заглянуть норовят,
Измеряют ей язычок...

— Да! — вскричала одна Борода. —
От простуды пришла беда!
Может статься, Птица больна,
Потому не поет она.

— Нет! — другая кричит Борода. —
От желудка пришла беда!
Из-за пищи Птица больна.
Потому не поет она.

— Да ничем она не больна!
Не певала сроду она.
Ведь нойон, говорят, хитрец! —
Самый старый шепнул мудрец.

Семью семь — сорок девять дней
Совещались старцы о ней,
Но к согласию не пришли
Мудрецы всей ханской земли.

Хан глазами сверкнул на них,
Но Визирь — почтительно-тих —
Как лиса, подошел к нему,
Еле слышно что-то шепнул...
Хан в ответ головой кивнул
И промолвил: — Быть по сему! —

И тотчас же в ханский дворец
Приведен был Скорбный мудрец.

Вместе с войском страны своей,
Проигравшей Хану войну,
Он не семь быстролетных дней —
Он семь лет пребывал в плену,
Он семь лет тосковал вдали
От любимой своей земли.

* * *

Властительный Хан оглядел пришлеца.
Увидел свинцовую бледность лица,
Глаза, опаленные черным огнем. . .
— Что, пленник, скучаешь о крае своем? —
Спросил он у Скорбного мудреца.
— В той временной жизни, что нам

суждена,

Дороже сокровищ родная страна
И небо и солнце над краем родным!
Когда б довелось мне хоть глазом одним
Увидеть просторы любимой земли,
Песчаные, желтые горы вдали,
Хоть раз подышать ароматом степным, —
Тогда бы достойно я встретил конец! —
Властителю Хану ответил мудрец.
И слезы из глаз у него потекли.

Властитель отвечал пленнику:

— Что ж!

Когда ты надежное средство найдешь
И слух мой возрадует Птица моя, —
Ты снова увидишь родные края.
Туда долетишь, как ядро из пращи! . .
А средства не сыщешь — тогда
не взыщи! . . —

Не дважды добычу хватает орлан.
Не дважды дает обещание Хан.

Высокостепенный воссел на престол.
А пленный к другим мудрецам подошел.
Спросил их о чем-то, на Птицу взглянул
И вдруг, просияв, облегченно вздохнул,
Как будто схватил за поводья коня,
Несущего в Царство счастливого дня,
Где нет ни изгнания, ни тяжких угроз...

Склоняясь пред Ханом, мудрец произнес:
— Ты хочешь услышать, как Птица
поет? ..

Тогда поезжай все вперед и вперед,
Вози свою Птицу из края в край.
Да только почаще места меняй!
Тотчас приготовиться в путь соизволь,
Вели оседлать своего жеребца! ..

И внял повелитель словам мудреца,
Вкушавшего долгих страданий соль,
Узнавшего муку и горькую боль.

Рукой не успел повелитель взмахнуть,
А слуги его уж собрали в путь.
Пригнали овец, круторогий скот,
Затем, что далекий их ждал поход.

И вот на рассвете идет караван.
Покинув покои своей Бумбулвы¹,
На рыжем коне восседает Хан,
На черном, понурясь, сидит мудрец,

¹ Бумбулва́ — пределы сказочной страны Бумбы.

А слуги, не смея поднять головы,
Несут на шестах золотой дворец
Пичуги — печальнейшей из пичуг.
Бряцает оружием охрана вокруг.

* * *

И не день, не два и не три —
Много лет протекло в пути.
Пробуждался Хан до зари
И приказывал вновь идти.

Он менял и менял места,
И меняла над ним цвета
Неоглядная высота,
Неохватная ширь небес. . .

Столько он повидал чудес,
Сколько отроду не встречал
В Бумбулве, где он так скучал!

Он узнал, что значит мороз,
Дождь хлестал жестокий его.
От ветров и весенних гроз
Побурели щеки его.
Жег его беспощадный зной.

Над отвесною крутизной,
Средь покрытых снегами гор,
Где летал лишь орел один,
И среди бескрайних равнин
Разбивали Хану шатер.

Но в полях и в глухом бору,
Ранним утром и ввечеру,
Беспокойный вкушая сон,
Хан в раздумия погружен:

«Что у Птицы печальный вид?
Почему певунья молчит?..

Иль всему виною нойон?..
Замышлял дурное нойон.
В день, когда мне Птицу дарил,
Он, должно быть, со мной хитрил.
Он решил захватить мой трон.
С мудрецом столкнулся он,
Чтоб вдвоем меня обмануть
И отправить в далекий путь...»

Хан велит мудрецу прийти.
— Столько лет мы уже в пути!
Добрались к началу начал
Сквозь красивейшие края...
Где же то, что ты обещал?
Что же Птица молчит моя?..
Ты, презренный, посмел солгать?
Нынче ж всех обращаю я вспять.
Слову Хана не изменю:
Как приедем, тебя казню
За коварнейший твой обман!.. —
И ногами затопал Хан.

Но спокойно сказал мудрец:
— Смерть — страданий наших венец.
Горе — мне опора и щит.
Это правда — Птица молчит.
Но прошли мы не все края...
И — взгляни! — где Скука твоя?!

От ладьи не найти следа
На зеркальной воде пруда.
След крыла на глади небес —
Не найти его, он исчез.

Черной Скуки растаял след.
Скуки больше с тобою нет.

Ты обрел себе дело, Хан,
И тобой овладела, Хан,
Та святейшая из забот,
Что людей по земле ведет,
Все вперед и вперед маня...
Если станешь слушать меня,
Не вернется Скука и впредь.
Птица ж все-таки будет петь!

Хан с ответом не поспешил.
Он ресницы свои смежил
И на Скуку взглянуть решил:
Неприметной Скука была.

Пожелал он увидеть цвет
Скуки, бывшей с ним столько лет.
Но бесцветной Скука была.

Слышать Скуку он захотел —
Бессловесной Скука была.
Мыслей Скуки познать предел —
Глупой, пресной Скука была.

Прочь она от Хана ушла.

Не найти от ладьи следа
На зеркальной воде пруда.
След крыла на глади небес —
Не найти его, он исчез.

Так же Скуки растаял след.
Больше Скуки у Хана нет.

Подивился великий Хан
И сказал мудрецу в ответ,
Прежний гнев он смог превозмочь:
— Хорошо. Мы продолжим путь...

И пошли они сквозь туман.
И когда наступила ночь,
Хан взошел под своды шатра,
Чтоб на ложе своем вздремнуть.

Но болотная мошкара
И зловерное комарье
Обрели там себе жильё.

Жалят Хана, звенят, жужжат,
Нос у Хана распух и рот.
Да к тому ж от гнилых болот
Поднимался тяжелый смрад,
В ноздри лез, точно едкий дым,
Хоть шатер и не был худым.

Места Хан себе не найдет,
Повелителя донял гнус.
— Нет, в проклятом этом краю
Я — последнюю ночь, клянусь!
Завтра утром приказ даю,
И домой направимся мы. —
Так средь душной гудящей тьмы
Сам себя утешает Хан.
Возвратиться решает Хан.

Но когда заалел восток,
Страж, который Птицу стерег,
Не поверил глазам своим.
Та ли Птица здесь, перед ним?

Птица странно себя ведет:
Огляделась кругом она,
Точно чем-то поражена,
Замахала серым крылом,
Будто в дальний стремясь полет,
Прочь из клетки куда-нибудь! . .
Стала клювиком чистить грудь,
Поточила клювик, потом
Пролетела наискосок,
На решетку села. . . И вдруг
Прозвенел серебристый звук:
Птица пробует голосок!

К повелителю страж бежит:
— Хан великий да поспешит,
Чтоб немедля к Птице поспеть. . .
Птица, кажется, хочет петь! —
Между тем все светлел восход
И яснее стала видна
Та земля посреди болот:
И бедна она и скудна,
Лишена она красоты.
Кое-где чернеют кусты,
Да желтеют издалека,
Точно волны, горы песка.

На пески и не глянул Хан.
С ложа тотчас воспрянул Хан,
И домчался он до шатра,
Где грустила Птица вчера
В золоченом своем дому. . .
Правду страж доложил ему:
Птица серая ожила,
И подвижна, и весела.

Устремляется в высоту,
Презирая прутья, она.
Ударяется на лету
О решетку грудью она.
Видно, тем, кто на воле рос,
В золотой тюрьме — не житье!
Глазки черненькие ее
Вновь как будто в тумане слез.

Но, опять на жердочку сев,
Все ж она завела напев.

Песнь волшебная полилась,
Вместе с солнцем она росла.
В ней — любви целебная власть,
В ней — всему живому хвала:

И земле, что еще во сне,
И звезде, что сейчас уйдет,
И высокой голубизне,
И безмолвью гнилых болот.

Всем сыпучим пескам сухим,
Всем горючим слезам людским
Эта песнь утешенье шлет!

В песне — радости торжество.
Внемлет Хан с волнением в крови.
Сердце каменное его
Растопили волны любви.

К серокрылой Птице в шатер
Прилетела стая сестер,
И неслыханный птичий хор
До песчаных донесся гор.

Люди слушали не дыша
Эту песнь, влекущую ввысь.

Просветлела мира душа,
Точно все желанья сбылись,
Точно все забили ключи —
Тот, что древен, и тот, что юн...
Натянула земля лучи,
Словно сотни звенящих струн,
И пескам, и кустам нагим
Заиграла на струнах гимн.

И, очнувшись от немоты,
Вместе с ней запели кусты.
Пробудившись от злой тоски,
Вместе с ней запели пески.
Выси неба, глуби земли
Звуки счастья в себе нашли
И запели с Птицею в лад...

Над равниною песнь плыла,
Трепетала, к небу летя.
И казалось всем, говорят,
Будто родина обрела
Потерявшееся дитя
И ликующий небосвод
Милосердью хвалу поет...

Прослезившись, Хан произнес:
— Ты мне правду сказал, мудрец!
Но, прошу тебя, под конец
На последний ответь вопрос:
Это сладостное тепло,
Не имеющее границ, —
Как вместиться оно могло
В сердце крохотнейшей из птиц?

Почему, грустя до сих пор
Меж красивых лесов и гор,
Вдруг она разомкнула клюв,
Столь дурную землю хваля? ..

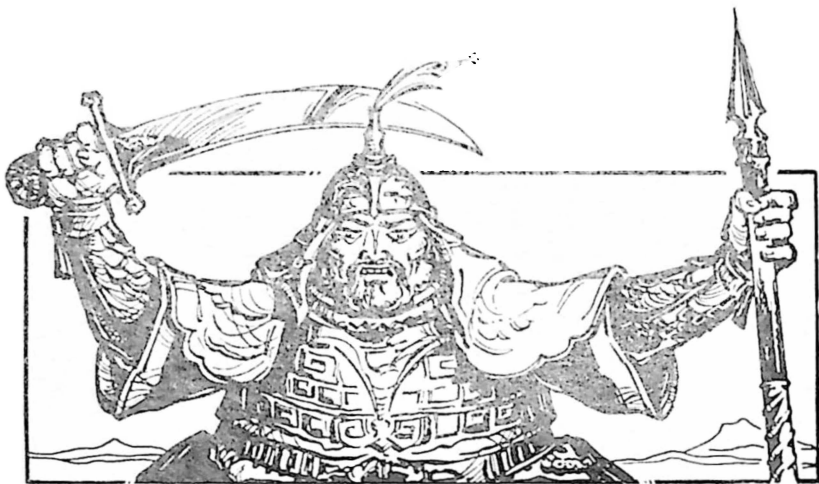
И ответил мудрец, вздохнув:
— Здесь — ее родная земля.
Знает родина волшебство,
С ней младенец — и тот батыр,
Счастье в малом сердце его
Затопило бы целый мир!
Тот силен, кто нашел свой дом
И свободу обрел притом!

— Ты свободен! —

воскликнул Хан,

Новой радостью обуян. —
Собирайся домой, мудрец!
Да открой золотой дворец! ..
Вижу, лучшая из темниц
Не годится для певчих птиц,
И свободу Птице даю! ..
Да летит она в вышину,
Прославляя волю свою
И родную свою страну!

ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ

Зто все случилось давно,
Но в преданьях живет оно.

Говорят, в былые года,
В те далекие дни, когда
Зверь не знал, что такое страх,
И в ковыльных наших степях
Желтый барс не таясь бродил,
И от птичьих несметных крыл
Днем бывало темным-темно,
Вот тогда-то; давным-давно,
На просторы волжской земли,
Утомясь, калмыки пришли.

Шли они не день и не год,
Шли они, как идет народ —
К свету счастья из тьмы невзгод.
И кочевьем решили стать,
Поклонились земле, моля:
— Будь нам родиной, мать-земля,
Ты, сулящая благодать!

Говорят, в тот далекий век
Средь приветных наших степей
У бездетных старых людей
Родилось дитя наконец.
Были рады мать и отец.
Дали сыну имя Эдék.
Мальчик вырос богатырем.
Зашумела молва о нем,
Для друзей — звенела добром,
Для врагов — гремела как гром.

Если ты на лихом коне
Двадцать лет пронесешься вскачь,
Ты окажешься в той стране,
Где живет Алангсír-силач.
Не мала у него страна,
Но она для него — тесна,
И задумал он, Алангсир,
Подчинить весь подлунный мир.

Об Эдеке прослышал он,
Из терпения вышел он,
Заревел, затрубил, как слон.

Он ревет, что пойдет в поход,
Что Эдека шутя убьет,
Вырвет с корнем проклятый род,
Истребит калмыцкий народ.

Круторогий угонит скот,
Тонкорунных овец приплод,
Скакунов с собой уведет,
Стригунов, кому третий год,
Сосунков, что идут не в счет.
Всех нойонов живьем возьмет,
Все хотоны¹ огнем сожжет,
Всех детей превратит в сирот!

И пошел Алангсир войной.
На кольчуге своей стальной
Все застёжки он застегнул,
Пояс кованный затянул.
Слева тяжкий повесил меч,
Чтоб врага пополам рассечь!
Взял он пику, что острый клык,
Чтоб колоть врага напрямик...
Да погибнет Эдек-калмык!

Алангсир, на коня воссев,
Затянул боевой напев:

— Пляши и пой, народ степной,
Покуда занят Алангсир!
Могилы рой, народ степной,
Когда нагрянет Алангсир!

Своею силой знаменит
Вовек и ныне Алангсир!
Страну калмыков обратит
В пески пустыни Алангсир!

Так хвалился Эдеков враг,
Что степные марева, в прах

¹ Хотобн — селение.

Обратясь, стелились дрова,
Точно пламени языки,
Расходились во все концы...
И шарахались жеребцы,
Что вели свои косяки,
Чутко уши насторожа...

Из-за песни той боевой
Псы в хотоне подняли вой.
Сны дурные пришли в хотон.
Просыпаясь от злой тоски,
Размышляли вслух старики:
— Что он значит, недобрый сон?

Тогда в волшебное стекло
Эдек взгляделся сквозь туман
И видит: скачет тяжело
Гороподобный великан.
Багровая клубится пыль.
От скачки ветер поднялся.
Он ломит древние леса,
Сгибает, как степной ковыль.

Эдек смутился, говорят,
И семью семь ночей подряд
И семью семь суровых дней
В кибитке пребывал своей.
А вокруг шумел простой народ:
— Управу богатырь найдет
На Алангсира-силача! —
В котлах, кипя и клокоча,
Варился жирный чай степной.
Не угасал костер ночной,
И горн кузнечный полыхал.
Шипел и плавился металл.

Гремели сталью у костра
Прославленные мастера
И, не смыкая глаз в ночи,
Ковали пики и мечи.

В покоях ханского дворца
Сошлись нойоны на совет.
Там длились споры без конца:
Тот скажет «да», а этот —
«нет»,

И, зная, что далёко враг,
Являет храбрость на словах.
Хан размышляет: кто же прав?..
Но споры дальний гул пресек:
Узорный полог приподняв,
Покинул свой приют Эдек.
Он бледен был, но не угрюм
И молвил, голову склоня:
— Сильнее силы — ясный ум.
Народ мой, выслушай меня!
Дорогу преградим врагу:
Средь скал морских, на берегу,
У Алангсира на пути
Два дерева должны расти.
Туда ж, в приморские края,
Котел прошу вас принести,
Его поставить над огнем,
Чтоб сталь всегда кипела в нем...
Свершите это всё!..

А я
Подумаю об остальном.

Что велел богатырь Эдек,
То исполнил его народ.

А Эдек взял большой топор,
Тот, что семьдесят человек —
Как ни тужились — не могли
Хоть на пядь приподнять с земли!
С топором он к морю идет,
На морской выходит простор.

Меж ребристых каменных скал
Он два дерева отыскал.
Он увидел казан-котел —
Больше всех котлов на земле!
Сталь кипела, бурля, в котле
И морской заглушала гул.
Богатырь деревья согнул,
Топором слегка обстругал.
Он вершины друг с дружкой сплел,
Привязал их одну к другой,
Чтоб стояли лукой-дугой.

Вдруг его окатил прибой.
Дождь соленый вдруг оросил.
Море вокруг поднялось горой:
На него дохнул Алангсир.
Все притихло пред силачом,
Солнце он заслони плечом.
— Здравствуй, мальчик! —

силач сказал,

Бегунца укрощая бег. —
Как же ты смехотворно мал! ..
— Добрый путь вам! — сказал Эдек.
— Не встречал ты богатыря,
Что Эдеком у вас зовут?
— Как же! Был он недавно тут.
Он сюда приходил не зря:
Поручил мне свои дела.
Вот лука для его седла! —

Алангсир с коня соскочил,
На деревья сбоку взглянул.
Только пальцы к ним протянул,
Только сжал их, не тратя сил,
А уже побежал, потек
Из деревьев ручьями сок.
Стал силач, смотря свысока,
Две луки меж собой равнять:
Глядь, Эдекова-то лука
Подлинней на целую пядь!
Алангсир засопел...

— Эдек,
Видно, мне придется по грудь! —
Снизу вверх посмотрел Эдек:
— Вас он выше ростом чуть-чуть,
Но в плечах — пошире стократ,
И бессмертен он, говорят.

Алангсир, чтобы скрыть испуг,
Походил, поглядел вокруг
И увидел казан-котел —
Больше всех котлов на земле!
Слышит, что-то бурлит в котле.
И об этом он речь завел:
— Что там булькает?.. Почему? —
Отвечает Эдек ему:
— Иногда богатырь Эдек
Остается здесь на ночлег.
Пробудится и крикнет вдаль:
«Эй! Живее чаю подай!..»
Только пьет богатырь не чай,
Пьет, могучий, жидкую сталь.
А потом, отирая пот,
Освежиться в море идет.
Море он превращает в лед.

Поднимается на носки —
Лед ломается на куски.
И по скалам вверх, напрямик
Богатырь восходит, как бык.
Вот каков наш Эдек-калмык!

Так закончил Эдек рассказ,
Снял щипцами густой нагар,
Чтоб огонь под костром не гас,
Чтоб в котле сохранялся жар.

Алангсир, на карачки сев,
Раскрывает громадный зев.
Зазияла, как страшный ров,
Рта бездонного чернота,
И белели скалы зубов
В необъятном ущелье рта!
— Чаю, — он заревел, — хочу!
Дай мне чаю — сколько не жаль!.. —
И Эдек плеснул силачу
Прямо в пасть кипящую сталь!
Льет металл раскаленный, льет,
Алангсир его пьет да пьет
Да поглаживает живот.

Ухмыльнулся и невзначай
Проглотил котел целиком...
Как зацокает языком:
— Це-це-це, что за ханский чай! —

Ублажив утробу свою,
Оттирает губы рукой: —
Надо мне у себя в краю
Завести обычай такой!
Крепче сроду пить не пришлось...
Мальчик, воду мне заморозь! —

Алангсир, отирая пот,
Освежиться в море идет.
Он полморя вброд пересек...
Что есть мочи дует Эдек!
Воду он превращает в лед
Толщиною в девять локтей.
Да погибнет во льду злодей!

Алангсиру лед — нипочем!
Он слегка шевельнул плечом,
И тотчас по зеркалу льда
Разбежались трещины вкруг,
И чернеющая вода
Показалась из трещин вдруг.
Алангсир на берег ступил
И небрежно с доспехов сбил
Ключья пены, белой как снег:
— Я под стать Эдеку вполне!.. —
Но ответил ему Эдек:
— Вы стояли на всей ступне,
А Эдек лишь пальцами ног
Опирается о песок!
— Заморозь-ка еще разок!.. —
Алангсир на воду кивнул
И широко в море шагнул.

Богатырскою силой кичась,
Он на цыпочках входит сейчас,
Опираясь о дно чуть-чуть...
А Эдек принимается дуть.
Десять тысяч верблюдов-самцов
Не раздули бы вихря лютей!
Стынет море со всех концов.
Ледяной нарастает покров
Толщиною в десять локтей!

Говорят, богатырь-смельчак,
Если он опоры лишен,
Все равно что хромой сайгак,
Окруженный со всех сторон.
Гибнет он средь зеленых трав,
Самой легкой добычей став.

Алангсир по горло во льду,
Лишь его голова — на виду.
Дна касаясь едва-едва,
Он плечом поднаддал сперва,
Но по-прежнему лед блестел —
Снежно-бел, нерушимо цел.
И тогда, как взбешенный слон,
Подскочил Алангсир как мог...
Ускользнуло дно из-под ног,
И опоры лишился он.

Он по горло в тиски зажат.
Стынет он в ледяной броне.
— Эй, мальчишка! Беги назад!
Погибаю! Живей ко мне! —
Завопил, завыл Алангсир.
— Ну и гибни! — сказал Эдек.
И, подняв сскиру секир —
Ту, что семьдесят человек,
Как ни силились, не могли
Обхватить, приподнять с земли! —
Он вступает в неравный бой
С Алангсировой головой.

Но, услышав его слова,
Алангсирова голова
Как надует громады щек,
Встречный ветер как засвистит!..
Он Эдека сбивает с ног.
Как пушинка, Эдек летит!

За одну из прибрежных скал
Ухватился Эдек едва.
А в горах грохотал обвал...
Вот как дунула голова!
Но Эдек проворно достал
Пару тяжких литых подков
С длинным рядом острых шипов —
Были те подковы при нем!
Привязал их прочным ремнем
Он к обеим ногам своим,
И опять он к битве готов.
Смелым соколом боевым
На врага устремился он.

Но, доспехов заслыша звон,
Голова подула опять,
Обратила Эдека вспять!

Он взмывает до облаков.
Отлетают ремни подков!

И Эдек опять на скале
С невеселой думой своей:
«Где ремень раздобыть, прочней
Всех других ремней на земле?»

От мыслей тягостных устав,
Эдек отправился домой.
И видит он — средь сочных трав
Пасет овец чабан седой,
Под ним играет конь гнедой.

— Поддай скорей совет, чабан,
Проживший много лет чабан,
Где раздобыть ремень прочней,
Надежней всех других ремней? ..

— Учили в юности меня,
Что сухожилье жеребца
И сухожилье храбреца
Надежней всякого ремня.
Два сухожилья ты сплети —
Веревки крепче не найти! ..
Но кто передо мной?

— Эдек.

— Неужто ты — герой Эдек,
Тот, кто прославлен и велик?! —
Воскликнул радостно старик. —
Благословляю этот день,
Судьбу свою благодарю! ..
Но для чего богатырю
Прочнейший на земле ремень? ..

— Отец, вступил я в смертный бой
С безжалостною головой.

От униженья, от огня
Я должен свой народ спасти.
Но без прочнейшего ремня
Победы мне не обрести,
Врага секирой не добыть! . .
Где сухожилья мне добыть,
Скажи, премудрый человек? . . —
И на колени стал Эдек.
— Не унижай себя мольбой!
Кто в бой идет за свой народ,
Помочь тому за честь почтет
Старик и юноша любой. . .
То, что ты ищешь, — пред тобой!
Ты сухожилья обретешь!

Как молния блистает нож,
И верный конь в крови хрипит —
Рукой хозяина убит.
А сталь уже блестит опять.
У старика удар могуч:
Воткнулась в землю рукоять,
Клинок сверкает, точно луч,
И на сверкающий клинок
Старик широкой грудью лег.
— Сплети себе ремень, Эдек, —
Шепнул он и умолк навек.

Вот как был тот ремень добыт.
Но Эдек целый день стоит
Перед тем стариком святым,
Перед тем пастухом простым,
Жизнь отдавшим за свой народ. . .
Старца за плечи он берет,
Видит раны глубокий след. . .
Вдруг — как будто зажглась заря! —
Прямо в очи богатыря
Ослепительный брызнул свет.

Богатырь глядит, заслонясь:
Из груди старика, лучась,
Вьется солнечная река.
И, склонившись во прах пред ним,
Увидал Эдек:

золотым

Было сердце у старика!

И слышит богатырь:

— Внемли!

Я — сердце всей твоей земли,
Душа народа твоего.
Со мной не бойся ничего!

Один — как ты ни будь умен! —
Один — как ты ни будь силен! —
Вовек не выиграешь бой! . .
Эдек, возьми меня с собой!

Золотое сердце взяв на ладонь
Как святыню, Эдек на грудь положил,
И почуял он, как бежит огонь
По груди и по веткам жил.
Стало тело Эдека стальным насквозь,
Новой силою налилось,
И тогда Эдек устремился в бой
С Алангсировой головой.
Голова уже начеку,
Раздувает громады щек,
Поднимает в море песок,
Все ломает на берегу,
Сбить Эдека желает с ног. . .
Но Эдек стоит невредим —
Сердцем он храним золотым!

Устремляется он вперед,
Направляется он в обход

И, в затылок зайдя врагу,
Бьет по шейному позвонку!
Черной крови взбурлил фонтан.
Завопил-завыл великан.

Так завыл, что прогнулась ширь,
Волны замерли на весу,
И у барса в глухом лесу
Разорвался желчный пузырь.
Так завыл, что дремучий лес
Закачало, как мураву,
Распоролось небо по шву:
Млечный Путь это — шов небес,
И на землю средь бела дня
Покатились звезды, звеня.

Как ни дик Алангсиров рев,
Он Эдеку ласкает слух,
И Эдек меж косточек двух,
В углубленья меж двух бугров,
Смертоносный удар нанес:
— Издыхай, кровожадный пес!

До глубин пробил вышину
Алангсира предсмертный крик.

Завопил Алангсир:
— Маштык! —
На подмогу он звал жену.

Говорят, его, как дитя,
Поднимала Маштык, шутя.
Алангсир танцевать привык
На ладони жены Маштык.

И была старуха Маштык
Во сто крат сильней, чем старик,

Но к тому она во сто крат
И глупей была, говорят.

Алангсира протяжный крик
Все двадцатилетье пути
Пролетел за единый миг
И успел до Маштык дойти.

Пробудилась она от сна,
Боевого кличет слона.
Слон спешит на старухин зов,
Красной пылью вокруг пыля.
Этот слон был из тех слонов,
На которых стоит земля.

И, в доспехи облачена,
На слона уселась она,
Гонит зверя во весь опор:
Где ступала нога слона,
Там колодцы и до сих пор!

Стопудовый слоновий бег
Услыхал богатырь Эдек.

И промолвил сердцу Эдек:
— Что народу покоя нет?!
Одного несчастья избег —
Снова ворох страстей и бед!
Злейший враг у него в дому.
Слышишь, сердце, зловещий шум?..

Встрепенулось сердце в ответ.
Подказало сердце ему:
— Помни, силы сильнее — ум!
Вон белеет гора вдали.
Облака ее облегли,
Словно мягкая шерсть овец.

Погляди на гору, Эдек,
И постигнешь скоро, Эдек,
Где твой враг обретет конец!

* * *

Поспешает Эдек домой.
Собирает народ родной
И велит пять тысяч телег
С мягкой шерстью, белой как снег,
До рассвета к горе свезти,
Гору всю кругом обволочь —
Чтоб была она вся в шерсти.

Что велел богатырь Эдек,
То народ исполнил точь-в-точь.

И наутро гора была,
Словно пена, белым-бела.
К белопенной горе впритык
Прибыла на заре Маштык
На слоне боевом своем
И в Эдека тычет копьем:

— Ты, мальчишка, давно ли тут?
Говори со мной, не хитря:
Нет ли рядом богатыря,
Что Эдеком у вас зовут?
Хоть росточком ты не велик,
Не страшись, потолкуй со мной!
Пряник дам тебе расписной. . . —
Ну и пряничек у Маштык —
Он с кибитку величиной!

— Хоть и вправду я ростом мал,
Не годится страшиться мне!

А Эдек здесь вчера скакал
На своем вороном коне!
Конь его — прямой Аранзál!

Видишь гору — снегов белей?..
До небес доросла гора!
Это пену с губы своей
Уронил его конь вчера!

Заморгала глазом Маштык.
Потеряла разум Маштык.

Муженька своего кляня,
Подсчитала разом Маштык:
— Если пена с губы коня
Достигает до облаков,
Сам-то конь вороной каков?!
Если ж конь вороной таков,
То Эдек молодой каков? . .
Подпирает небесный кров!
Если ж сам богатырь таков,
Пораздумаешь — какова
Богатырская булава! . .

И, о муже забыв, жена
Повернула назад слона,
Подхлестнула его она
И, подпрыгивая в седле,
В красной пыли — кровавой мгле —
От Эдека пустилась прочь. . .
И пока не сгустилась ночь,
Усмехаясь, смотрел Эдек
На постыдный ее побег.

Смолкнул топот слоновьих ног.
Богатырь затрубил в свой рог.
И пришли на победный звук
К той горе, где трубил Эдек,
Из-за дальних лесов и рек,
Ото всех четырех сторон,
Изо всех четырех племен
Гордость всей земли — силачи,
И певцы пришли — джангарчи¹,
Под горой они стали в круг. . .

Золотого сердца костер
Обхватил руками Эдек.

¹ Джангарчи́ — певцы, исполнители калмыцкого героического эпоса «Джангар».

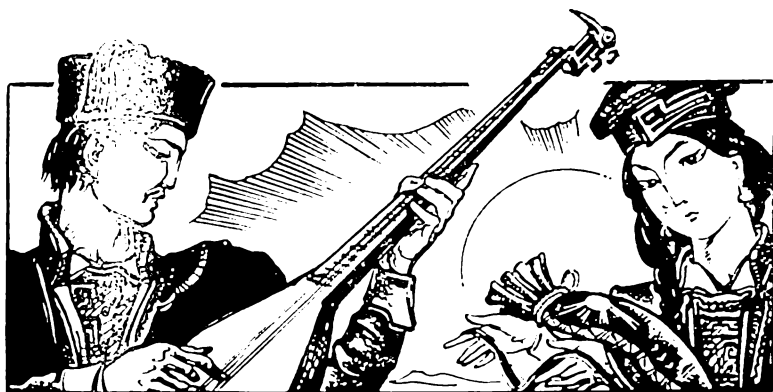
Золотое сердце простер
Над горой, как знамя, Эдек.
— Да сияет оно века --
Сердце честного старика!
Славен будь его путь святой,
Славен будь человек простой,
Жизнь отдавший за свой народ!
Кто умрет за родной народ —
Тот в сердцах людских не умрет!
Слух о нем по земле пойдет,
Трубным звуком из рода в род,
Он не будет забыт вовек! —
Говорит богатырь Эдек.

А меж тем старуха Маштык,
Алангсира злая жена,
Мчалась что есть духу Маштык,
Подгоняя палкой слона.

И бежал ее слон вперед
Через все океаны вброд,
Через горные все кряжи,
Через спорные рубежи,
Напролом бежал, напрямик
И предела земли достиг.
И на скользком краю земном
Со взбешенным своим слоном
Совладать Маштык не могла,
Угодила с ним прямо в ад! ..

А не то она много зла
Принесла бы нам, говорят.

РАВНЫЕ СОЛНЦУ

1

Красотою несравненной
Озарив лицо вселенной
И калмыцкую страну,
Мальчик с девочкой родились —
Ими стар и млад гордились
У калмыков в старину.
Вдоль родной реки широкой,
Волны гнавшей издалёка,
Детские текли их дни.
Оба, с детства неразлучны,
Там телят всего хотона
На степной долине тучной
С детских лет пасли они.

От восхода до заката
Лакомились их телята
Сочною травой зеленой
И речной водой студеной...

Но быстрее речной воды
Годы детства промелькнули —
И, не знавшие беды,
Оба вдруг беды хлебнули:
Мало стало для скота
Трав, где было их в избытке,
И, свернув свои кибитки,
В степь на разные места
Их отцы откочевали.
Дети слезы проливали,
Тосковали, горевали.
Далека степная даль —
Что ей детская печаль!

Словно облака над степью,
Пролетело лет пять-шесть —
И во всем великолепии
Время им пришло расцвести.
В восемнадцать — настоящим
Стал Джамсу богатырем,
Смелым, высоко парящим,
Сильным, молодым орлом.
И Кермен, учтивонравна,
Стройная, с походкой плавной,
Изо всех степных невест
Краше всех слыла окрест.
Красоты их дивной чудо
Всюду славил молва,
И о них рождались всюду
Песен звонкие слова.

Всем, чьи дочери подрастали,
И по всей степи мечтали
Был Джамсу желанный зять,
В дом Кермен невесткой взять.

И однажды речь такую,
О своем Джамсу толкуя,
Мать с отцом вела, — отцу
Говорит она:

— К концу

Наша катится дорога:
Жить осталось нам немного,
Но, пока живем, должны мы
Позаботиться о том,
Чтоб Джамсу, наш сын любимый,
Ввел подругу жизни в дом.
Так давай, старик мой, вместе
Похлопочем о невесте!..

И держали дня четыре
Меж собой они совет,
Порешив, что лучшей в мире,
Чем Кермен, невесты нет.
«Надо сватов слать, конечно,
Дня терять не надо зря...»
Счастлив был Джамсу, сердечно
Мать с отцом благодаря.

2

Почитаемый народом
У отца Джамсу был брат.
Мудрым был он овцеводом —
И, овец лет пять подряд
Тщательнейше отбирая
По одной из тысяч, он,
Их приметы проверяя,

Давней мыслью увлечен,
Своего добился: вывел
Новую овцу, — пожалуй,
Как теленок годовалый.
Так народ он осчастливил!

Ехать степью много дней —
Нет в степи людей знатней!

С этим старшим, знатным братом
Речь отец Джамсу завел:
— Окажи услугу, мол —
Для племянника будь сватом!
— Неужели не уважу
Просьбу брата своего?
Бог поможет, дело слажу —
Не промажу сватовство.
Снаряжай посольство! — вот
Что ответил скотовод...

Приезжают сваты к месту,
В дальний тот хотон степной,
Чтоб красавицу невесту
Высватать любой ценой.
У невестиной кибитки
Сваты, веселы и притки,
Выгружают для пиров
Бортоха¹ своих даров —
Пировать хоть месяц впору:
Жирных борцуков² там горы,
Много там, само собою,
Крепкой, пенной араки³.

¹ Бортоха́ — кожаные сосуды.

² Борцуки́ — лепешки на животном
жире или масле.

³ Арака́ — водка.

Любопытною толпою
Вся родня Кермен сошлась —
Молодежь и старики,
И, боясь ударить в грязь,
Чтоб гостям их не ославить,
На траве, в тени горы,
Стали им стелить ковры,
Белую кибитку ставить.

Вот шумит и первый пир.
Вытирая пот горячий,
С пальцев слизывая жир,
Главный сват тут слово начал.
Как положено, с намеков
Речь повел он издалёка,
Объясняя цель приезда,
Слов на ветер не кидал
И ответа ожидал
От родителей невесты.

Будто от воды — с шипеньем
Сразу гаснувший костер,
Стихло пира оживленье,
Смолк по кругу разговор.
Родичи Кермен в смятенье, —
Шепот, ропот среди них:
Той, что краше всех на свете,
Стоит ли такой жених?
Красотою он приметен,
Но свершить ведь не успел
Никаких высоких дел!
А мужчина — будь и рослым,
И красивым — не токуг¹,

¹Току́г — металлические украшения
на концах женских кос.

Что, подвешен к женским косам,
Сыплет искрами вокруг...

На приезжих строго глядя,
Говорит невестин дядя,
Брат отца:

— А что греха,
Если сметку жениха
Нам проверить для порядка
Хитроумною загадкой?
Пусть он свой докажет ум!..

В круге снова вспыхнул шум:
— Это правильное слово,
Что ж судить нам наобум!.. —
Тут другой, седоголовый,
Муж степенный поднялся,
Тоже дядей был невесты —
С материнской стороны.
Руку поднял, встал он с места
И, дождавшись тишины,
Молвил:

— Нет, отгадки слово
Не родит коня степного.
Эта мудрость — не скакун,
С ней не повернешь табун!
Мудрости людской величье
Проявляется в трудах,
В ею созданных плодах.
Вот в чем мудрости наличье.
Не бахвалы-пустомели,
Как там ловко ни хитри,
А кто недругов сумели
Одолеть — богатыри!
Золотым седлом лихого
Украшают скакуна, —

По работе жениховой
Будет жениху цена! .. —
Кончики усов погладив,
Слов других не находя,
Трубку табаком набив,
Кончил так невестин дядя,
Взглядом сватов обведя.

Знатен и самолюбив,
Дядя жениха, обиду
Не скрывая и для виду,
С юношеской прытью вдруг
Встал, обвел глазами круг —
И язвительно-сурово
Произнес такое слово:
— Тот бешмет к лицу, который
Молодцу пришелся впору.
В бой батыра снаряжаешь —
На того коня сажаешь,
Что подходит седоку
И не сдохнет на скаку.

Лишней спеси тут не место,
Обижать вас не хотим,
Но достоинствам невесты
Сами цену мы дадим... —
С этим дядя жениха
Сел, откашлялся: кха-кха! ..

Тут — среди калмыков самый
Уважаемый калмык,
Весь обросший волосами,
Белыми, как соль, — старик,
Что пронес столетья бремя
И на ком ручьями лет
Лоб избороздило время,

Что ни год врезая след,
С места юношами поднят,
Говорит:
— Не ссорьтесь вы!
До раздоров ли сегодня?
Обе стороны правы!
Ведь считается от века:
В брэнной жизни человека
Красоту и мудрость лишь
По трудам определишь.
Много в небе существует
Звезд — одна другой светлей,
Но всех лучше для людей
Та, что путь им указывает.
В многоконном табуне
Лучший конь — что скачет дольше.
Муж достойнейший в стране —
Чести ей добывший больше.
Жениха с невестой труд
Мерой их достоинств будет.
Дело сами изберут,
Мы — соревнованью судьи —
С честью выполним свой долг... —
Сел, глаза смежил, умолк.

3

Справедливо и прекрасно
Мудрый рассудил старик.
— Мы согласны! Дело ясно! —
Одобренья грянул крик.
И немедля с этой вестью
Было к жениху, к невесте
Двое послано гонцов,
Расторопных молодцов,

Чтобы тех двоих спросили,
Что, мол, каждый сделать в силе.
Рядом, как два конских уха,
Всадники что было духа
Понеслись и вскоре были
Не видны за тучей пыли.

Выслушал гонцов Джамсу,
Думал: «Чем я честь спасу?»
И сказал:

— Задачу круга

Принимаю. Я готов:
Чтобы взять Кермен супругой,
В семьдесят и семь ладов
Смастерить домбру могу я.
День один потребен мне,
А сработаю такую,
Что не снилась и во сне!
Все, что обладает слухом,
Лишь уловит чутким ухом
Звон моих волшебных струн,
Чуть на них я заиграю,
Со всего лица земли —
Из немыслимой дали —
К нашему сбежится краю.
Соберутся стар и юн,
Что сказал, исполню я, —
Помощь мне — любовь моя!..

Оказав гонцам почтение,
Выслушала их Кермен,
И судьбы ее безмен
Колебнулся от сомненья.
— О почтенные мужи,
Предложение круга — мудро.
(Ты, любовь, мне послужи.
Окажи услугу утром!)

Нет, не два дня, и не три,
И не десять, а всего-то
От зари и до зари —
День прошу я на работу.
За один лишь день я вышью
Жениху такой кiset,
О каком никто не слышал,
Обойди хоть целый свет.
Хоть оно не так-то просто —
Не один карман, не три —
Девятьсот и девяносто
Девять

сделаю внутри!

И на каждом том кармашке
Я весенний вышью луг,
В небе синем будут пташки,
Бабочки порхать вокруг.
Тот кiset с весенним видом
К вечеру на круг я выдам:
Человека с тем кisetом —
Осенью, зимою, летом,
Круглый год, красна, ясна,
Будет радовать весна.
Он, весной владея вечной,
Счастлив будет бесконечно.
Люди труд мой не осудят.
Помогать любовь мне будет!

Пожелав Кермен трехкратно
В избранном труде удач,
В седла сев, гонцы обратно
Скакунов погнали вскачь.
Волю жениха с невестой
Перед кругом изложив,
Сели два гонца на место,

Службу честно отслужив.
А старик, белее соли,
Снова встал и так изрек:
— Молодых похвальна воля —
Пусть народ назначит срок!
От восхода до заката
Надо срок обоим дать. . .

С этим родичи и сваты
Стали утра мирно ждать.

4

Поредел туман, качнулся,
Небосклон стал бледно-ал,
И весь мир от сна очнулся,
Охорашиваться стал.
Жаворонки в поднебесье
Высоко мелькали с песней,
В степь на пастьбу шел враскачку
Скот, пожевывая жвачку.
Вырвавшись из ночи темной,
Рдяной птицею огромной,
В клюве светлый день держа,
Солнце поднялось, дрожа.
Засверкал простор ковыльный,
И цветов и трав настой
Воздух напоил обильной,
Пьяной сладостью густой.

Вставший на заре румяной,
Степи оглядев красу,
С жаждой труд начать желанный,
Сразу поспешил Джамсу
В обусловленное место
У подножия холма.

* * *

Из косы отличной сделан,
С рукоятью роговой,
Нож Джамсу имел такой.
Нежно оглядел его он
И, минутку погодя,
На брусочке гладком черном
Стал точить его проворно,
Временами проводя
Им по ногтю вкось: остёр ли?
Сбрив с затылка волосок
И под лезвие подсунув,
Тронул волос он разок,
Пополам рассек — и сдунул.
Мелодичный звон, дрожа,
Пел на острие ножа,
Словно голос пташки звонкой
С гибкой, зыбкой ветви тонкой.
Звон услышав тот напевный,
Прошептал Джамсу:
— Ну, право
Нож — как бритва! —
И бурав он
Из кармана своего
Вынул — осмотрел его,
Все витки его ощупал —
Не зазубрены ль, не тупы ль;
Отковал затем стамеску,
Заточил, довел до блеска;
Одноручный сделал струг;
Распилил доску-шалёвку
И с привычною сноровкой
Разложил он в полукруг
Инструмент свой мастерской,
Чтобы был он под рукой. . .

Слыша в инструменте каждом
Пленных песен голоса,
Дать свободу им он жаждал,
Их расколдовать взялся. . .
И, стремясь мечтой к добру,
Начал мастерить домбру.

Заскользил по древесине
Струг его серебро-синий,
И метелью из-под стали
Кольца стружек вылетали,
Завиваясь на весу.
Руки, замыслу подвластны,
Действовали с ним согласно,
А когда глазам Джамсу
Из колодки деревянной
Вид его домбры желанной
Прорезаться смутно стал,
Волю радости он дал.
Тут же выточенной ловко
Журавлиною головкой
Увенчал он гриф и живо
Отстрогал углы красиво;
Припасенную заранее
Для отделки, на окромку,
Золотую взял тесемку —
И ее заправил в грани.
Загодя про этот час
Украшенья он припас,
Разместил их на порожках,
И алмазной мелкой крошкой
Переменчиво-игристой
Он усыпал всю домбру,
Словно небо ввечеру,
Звездной россыпью огнистой.

* * *

Вся полна одной заботой,
Молча, будто в полусне,
И Кермен свою работу
Начинала в стороне.
Разложив искристо-белый
Бархат, выправив края,
Принялася резать смело,
Из него кисет кроя.
И кисет, и все кармашки
Соразмерно, без промашки
Вырезая на глазок,
Раскроила весь кусок.
И, серебряным наперстком
И иглой вооружась,
Стала шить, металлом острым
В бархатную ткань вонзаясь.
За собою увлекая
Нить, туда-сюда пошла,
Невидимкою мелькая,
Швы протрачивать игла.
На халмак¹ с гребенкой частой
Расшивавшая цветасто
Златотканую парчу,
Нить, подобную лучу,
Нежно-голубого шелка
Втягивала за собой
В бархат резвая иголка.
Ровный, как в стекле оконном,
Цвет прозрачно-голубой
Бирюзовым небосклоном
Распростерся под иглой.

¹ Х а л м á к — женский головной убор.

Нитки золотой взамен
Вдевши аленькую, стала
Небо от земли Кермен
Отделять полоской алой...
Вот Кермен, иглу взнуздав
Нитью желто-золотистой,
Вышила кружок лучистый,
Солнце малое создав.
И, все так же умиленно
На свою работу глядя,
Шелк в иглу втянув зеленый,
Вышила густую гладью
Степь, и на степном просторе
Без предела, без границ
Расцвели тюльпаны вскоре,
Распорхалось много птиц,
Разлеглись стада барашков,
И на каждом из кармашков
Многоцветный мир весны
Навевал мечты и сны.
Кто посмотрит на кiset,
Вспомнит радость юных лет.
В каждой вышивке — отличие,
Но одна в них красота —
Чистота души девичьей
И любви ее мечта
В дни, когда, робка, стыдлива,
Но игрива и резва,
Бродит по степи огромной
То поет, а то и шепчет
Песен нежные слова,
И так ласково-нескромно
Ноги смуглые щекочет
Бархатистая трава.
Это все и в самом деле
Открывалось в рукоделье,

Что уже убрать с колен
Приготовилась Кермен...
Лишь последнего кармашка
Не закончила она —
Вышить там одну букашку
На цветке была должна...

Вдруг Джамсу воскликнул: — Люди,
Вот она, моя домбра! —
И, смеясь, вздохнул всей грудью:
Мол, теперь сыграть пора!

6

Джамсу на струны руку резко бросил —
И песен жизнерадостно-веселых
Сыграл он ровно шестьдесят и восемь.
Где звуки те он слышал, где нашел их?
И ровно семьдесят и семь сильнейших
Калмыков — все в расцвете лет мужчины —
Под музыку Джамсу запели чинно
Торжественную песню в честь старейшин:

«Лишь песни такие народу нужней,
Что в бой увлекут и бойцов и коней.
Клянемся блюсти до скончания веков
Священный закон почитать стариков!»

Красавицы, числом сто восемь ровно,
Любовь свою к подружке выражая,
Так жалобно запели хором, словно
Невесту на чужбину провожая:

«Плачет, тоскует бедняжка верблюдица —
Встреча ее с верблюжонком да сбудется!

Плачет невестка — свекровушка
взбешена, —
Мать бы родная пришла да утешила!»

Внимая песне девушек печальной
Под звон домбры медленно
хрустальный,
В душе у женщин и мужчин вдруг ожило
Все то, что память песней растревожило...

И вдруг та самая домбра,
Чья так была грустна игра,
Стремительно, как вихрь степной,
Взгремела песней плясовой,
Такой шальной, такой хмельной,
И в молодежной, огневой
Старинной пляске вихревой,
В калмыцкой пляске «ишкимдык»
Все буйно закружилось вмиг.
Плеснувший звуков океан,
Раздувший пляски ураган,
Весельем вдохновенья пьян,
Джамсу играл, горя душой.
С неистовою быстротой
Мелькали пальцы по ладам,
И то мизинец и большой,
То указательный и средний,
То дальних два, то два соседних,
По грифу вниз и вверх скользя
(Следишь — и уследить нельзя!)
Как бы по собственным следам,
Туда-сюда, то здесь, то там
Неслись в азарте звуковым,
Как кони в поле скаковом.

И, пальцы правой горяча,
Гремя, звеня и стрекоча,
Кричали пальцы левой:

«Эй!

Не отставать! Живей, живей!
Повеселей! Как в старину,
Щипни, тяни, рвани струну,
Одну, и две, и сразу три,
По всем ладам перебери,
Усталость, вялость побори,
Во всю длину и ширину
Родную весели страну! . . .»

Подобно летнему мира́жу,
Мелькающему вдоль горы,
На смену плясовому ражу
Теперь струились из домбры
Другие волны звуковые,
Другие голоса зывали,
Что чистым душам навевали,
Освобождаясь от немоты,
Как бы рожденные впервые
Людские мысли вековые
И сказок мудрые мечты. . .

А Солнце в небе той порою
Шло, шло — и, вдруг остановясь,
Необычайною домброю
Пленилось, диву удивясь.
И, не спеша, по небосклону
Пошло, пересекая высь,
И размышляло удивленно:
«О человеческая мысль,
Тебе, как видно, нет предела,
Так твоя сила велика! . . .»

Тут Солнце к прерванному делу
Опять вернулось... А пока
Со всей степной страны калмыков,
Из ближних мест, издалека,
Шли толпы в радости великой,
Игрой Джамсу восхищены:
В ней были чарами искусства
Все помыслы их, все их чувства,
Все их мечты воплощены.
И, зачарованы игрою,
Садилась люди под горою,
Поджавши ноги, на траву,
Сны свои видя наяву.
Перед породой человечьей
Забыв неодолимый страх,
Слетались птицы к ним на плечи,
И — по примеру смелых птах —
В добро волшебных звуков веря,
Сюда сбегались даже звери,
Свободных мест себе ища
Между людьми, спокойно, молча
Внимавших песне сообща.
Домбра звенела...

Морды волчьи,
И заячьи, и морды лис
Между людских виднелись лиц.
И были все так чутки уши
И так миролюбивы души!
Не только существа живые —
От человека до шмеля,
Но все растения степные,
Трава и стебли ковыля,
Метелочками шевеля,
Вперед как будто потянулись
И благодарственно пригнулись,
Джамсу, искусника, хваля.

Что обещал Джамсу вначале,
Сбылось — и ты его прославь!
Едва лишь струны зазвучали,
Мечтанья обращались в явь:
Болящий исцелялся сразу,
Родней был признан сирота,
Стекло превращено в алмазы,
С нуждой простилась беднота.
Казалось, чудотворной властью
Певучих струн озарена,
В страну бессмертия и счастья
Преобразилась та страна. . .

Опутана незримой сетью
Волшебной музыки, Кермен
Забыла о своем кисете.
Но вдруг в ее глаза с колен
Ударил свет слепяще-яркий:
Закатный луч на белый бархат
Упал, в искристый ворс вонзаясь,
Багряной вспышкой отразясь
В глазах у девушки. . .

В испуге

Кермен подумала о друге:
«Кисет не кончен! Солнце, стой!
Немножко задержись, помедли,
Меня, бедняжку, не карай —
Кармашек кончу я последний!»
И мигом шпилькой золотой
Садящегося Солнца край
Пришпилила за кромку тучи
И в спешке и в волненье жгучем;
Но, все старание вложив,
Последний маленький кармашек
Расшив и множество пришив
Петель, застежек, медных бляшек,

Кермен счастливая вздохнула,
Кисет закончив дотемна.
И подняла его она,
И торжествующе тряхнула,
И всех с ума чуть не свела —
Такие начались дела!

Такого дива не бывало,
Чтоб Солнце в предвечерний час,
Как в полдень, ярко запылало
И обжигало зноем вас!
И кто бы мог поверить в это!
Расскажешь — спросят: «Не во сне ль?»
Из всех карманчиков кисета
Цветов посыпалась метель!
И сколько светлых дней счастливых
В золото-синих переливах
Кармашек каждый излучал
И радость жизни источал!
И гроздь за гроздью, диск за диском
Взлетали звезды, луны ввысь.
«Весна! Весна!» — с веселым писком
Стрижи и воробьи вились. . .

Кисет, любимой рукоделье,
С его цветочною метелью
И со снопами звезд и лун,
Увидев издали, Джамсу,
С рукою правой на весу,
Окаменел, не тронув струн.
Как пьяный, встал он, и, шатаясь,
К любимой шел и, задыхаясь,
Воскликнул, счастья не тая:
— Кермен, красавица моя! —
Все ликовало в нем и пело,
Струил кисет лазурь и золото.
И вдруг он стал оторопело.

— Как! Солнце к облаку приколото?! —
Вскричал он, сразу помрачнев:
Погасла радость — вспыхнул гнев.

7

Как новый, бело-серебристый
Шелк без единого пятна,
Душа Кермен правдивой, чистой
Душе Джамсу была видна.
Но тут, ее проделку видя
(Народ-то был обманут весь!),
Кипел он в гневе и в обиде:
Открылась лживость ее здесь!!

— Кермен! В срок дела не осилив,
Ты злой обман пустила в ход
И, Солнце к облаку пришилив,
Дерзнула обмануть народ!
Да ты бесстыжей стала, видно,
И совести ты лишена.
И мне такой невесты стыдно,
Такая не нужна жена! ..

Убитая жестокой речью
Кермен расплакалась. Тряслись
В рыданье судорожном плечи,
Как на коне, что скачет рысью.
Обиды горькой и тяжелой
Неудержимая слеза
Ей нестерпимо жгла глаза —
И наземь капала с подола.
— Клянусь, что не с обманной целью
Пришпиливала Солнце я,
А чтоб закончить рукоделье.
Так велика ль вина моя?! —

Так плакала, так проливала
Бедняжка слезы без конца,
И жалость людям разрывала
Сочувствующие сердца:
«За что ей стыд такой и горе?!»

Но вдруг, словно гигантский вал,
Гонимый ураганом с моря,
Неслыханно силен и страшен,
Гром в небесах забушевал:
— Чьим светлым ликом мир украшен,
Ту, у кого такой талант,
Чья каждая слеза — брильянт,
Кто на земле прекрасной вашей
Напрасно оскорбить дерзнул
И слезы-бриллианты наземь
Из чистых глаз ее плеснул,
Мечту свою обезобразив?
Нет, красоте, несущей радость,
Дающей жизни смысл и сладость,
Никто обиды и вреда
Чинить не вправе никогда!
К вам, люди, обращаюсь с неба я,
Обидчика назвать мне требуя.
Свою он кару понесет!

И Солнце властно поглядело
С небесных голубых высот,
И все земное онемело.
А Солнце, в предзакатном дыме,
На землю грозно — сверк да сверк!
Джамсу руками золотыми
Схватило, потянуло вверх,
И люди звука не издали —
Столбами вкопанными стали.

В годах, в столетьях, как миражи
 Мелькнувших на пути людском,
 Никто не слышал в сказках даже
 О страшном случае таком.
 В великом потрясенье люди,
 Что под горой тогда сошлись,
 Речь обрета, о грозном чуде
 Гадали, будоража мысль,
 Гудели глухо, совещаясь,
 Поступком Солнца возмущаясь,
 В суждениях единоголосны
 Почтеннейшие старики:
 — Законам мира вопреки,
 Самоуправно, самовластно
 В дела земные почему
 Оно вмешалось? Ведь ему
 Во власть лишь небо отдано!
 Земля — владенье человека,
 И людям не судья оно.
 Так во вселенной шло от века!
 Должны предупредить мы Солнце,
 Потребовать от беззаконца:
 «Земному возмущеню внемля,
 Вины не спрашивай с Джамсу, —
 Верни скорей живым на землю
 Любимца нашего, Джамсу!
 А не вернешь его народу,
 Земную ты узнаешь месть:
 Сколько людей на свете есть,
 В рот наберут всю сразу воду
 Из рек, морей, озер, прудов —
 И, на тебя из полных ртов
 Ту воду выплеснув, потушат
 Твой жар, твою живую душу! . . .»

Так люди в гнев и печали
С земли Светилу прокричали.

Но, руки к небу воздевая,
В отчаянье, полуживая,
Последние теряя силы,
Кермен молитвенно просила:

— В небе ходишь с изначала дней,
Сотворенья мира ты свидетель,
Видишь ты порок и добродетель.
Что светлей тебя и что умней?!

Я тебя считала прозорливым,
Так за что ж, без всякого греха,
Ты меня казнишь несправедливо,
Моего похитив жениха?
Из меня не слезы ты исторгло —
Вырвало ты сердце из груди.
Смерть меня уже берет за горло.
Друга возврати мне, пощади!..

Людские выслушав угрозы,
В ответ на крик Кермен и слезы
Так прогремело Солнце вниз:
— Род человеческий, не грозись,
Что ты мое погасишь пламя, —
Не хватит на земле воды!
Но, погасив меня, вы сами
Неслыханной еще беды
И мук дождетесь смерти хуже:
Жить будете во тьме и в стуже,
Покроет землю гололед —
И сразу скот ваш перемрет
И весь ваш человеческий род!

Но, если так вам, люди, дорог
Джамсу, умелец ваш земной,
Не тратьте даром время в спорах —
Вам надо в мире жить со мной.
Найдется ль кто-нибудь меж вас,
Который так Джамсу жалеет,
Что смерти страх преодолет —
И явится ко мне сейчас,
И вытерпеть себя заставит
Семь дней мой жар? ..

И я Джамсу

От гибели тогда спасу,
А тот храбрец себя прославит! ..

И в тот же самый миг с небес
На землю лестница спустилась,
Что светом солнечным светилась.
Храбрец нашелся — и полез:
Отец Джамсу!

То не геройство —
Святой любви отцовской свойство:
На все решиться, все снести,
Чтобы дитя свое спасти!

С трудом ступеньку за ступенькой
Одолевал старик отец
И очутился помаленьку
Под самым Солнцем наконец.
Четыре дня тот жар смертельный
Самозабвенно он сносил,
Но стойкость всякая предельна,
Спустить себя он попросил.

Теперь по лестнице лучистой
Взобралась вверх старуха мать,
Но жар настолько был неистов —
Четыре дня терпела, пять,

А на шестой спустилась тоже,
Хоть сын был жизни ей дороже.

И вот настал черед невесте.
— Ради того, кого люблю,
Все в силах буду перенести я,
Семь дней все до конца стерплю! —
По золотой, многоступенной
Небесной лестнице Кермен
Добралась к Солнцу постепенно,
В чертог без кровли и без стен.
И даже Солнце удивилось
Красавице такой земной:
— Ты добровольно ли явилась?
Иль покорила воле злой?
Ты знаешь, как жесток мой зной?
Не бойся — будь со мной правдива,
Мне жаль тебя — ты так красива!

— Я правду говорю всегда, —
Кермен ответила с улыбкой. —
По доброй воле я сюда
Пришла.

Хоть совершил ошибку
Джамсу, жених любимый мой,
Спасти его — мой долг прямой.
Стерплю твой жар семь дней
и дольше! . . . —

И Солнце, удивляясь больше,
Воскликнуло:

— Как, ты согласна
Изжариться из-за того,
Кем так оскорблена напрасно?!
Безумное ты существо! —
Кермен, все так же улыбаясь,
От своего не отступаясь,
Сказала Солнцу так в ответ:

— Знай, в мире счастья выше нет,
Чем радость жертвы за любимых,
Когда мы выручить хотим их.
Во мне такой любви огонь,
Что, подойди на шаг хоть ближе,
Усов своих лишнись рыжих.
Остерегись, меня не тронь! .. —
И звонким смехом закатилась.

И тут-то Солнце убедилось,
Как может быть любовь сильна:
Готова все снести она,
Ей не страшна любая мука —
Все стерпит, не издав ни звука.
И этому — Кермен порука! ..

И Солнце крикнуло кому-то:
— Ко мне, заложник, поспеши! —
И две влюбленные души
Возликовали в ту минуту.
А Солнце, сразу подобрев,
С такой к ним обратилось речью:
— На милость я сменило гнев —
Благословляю вашу встречу.
Ведь ни отец Джамсу, ни мать
Не выдержали испытаний.
Но вашей воли не сломать —
Нет для такой любви страданий,
Которых не снесла б она.
Я убедилось: это сила,
Которой тщетно я грозило, —
Клянусь, она моей равна!
Она — нельзя сказать по крови,
Но по огню — сестра моя,
Что люди нарекли Любовью.
О, как вам благодарно я!

На землю возвращайтесь, к людям, —
Мы впредь союзниками будем!

По той же лестнице чудесной
На землю с высоты небесной
Спуститься Солнце помогло им,
Вреда не причинив обоим. . .

И вот — по случаю такому —
На свадебный веселый пир
Собрался весь калмыцкий мир.
Столетний старец, нам знакомый,
От возбуждения дрожа,
Встал и, домбру рукою правой,
А левою кiset держа,
Провозгласил влюбленным славу
И молодых благословил
Калмыцким древним, но живучим
Благословеньем нашим лучшим:

— Да умножается ваш род,
Да множится скота приплод;
Не ведать вам небесной кары —
Холеры, оспы и чумы,
Минуй бестравье и пожары,
Минуй вас бедствия зимы —
Скот да не гибнет в гололеды
И да не знать войны народу!
Всей жизни вашей ровный путь
Весь золотом уложен будь!
Увидеть правнуков должны вы,
Прожив сто двадцать лет счастливо!

Благословенье старика
Людей растрогало сердечно,

И закричали все:
— Сладка,
Счастлива жизнь их будь навечно!

И ровно семью семь потом
(Иль сорок девять) дней там длился
Их брачный пир, и день за днем
Народ калмыцкий веселился.

В любви и дружбе обоюдной
Джамсу с Кермен, своей женой,
Дорогу жизни долгой, трудной —
В кругу большой семьи родной —
Прошли счастливые и мудро
Смогли потомкам передать,
Как в жизни жить, о чем мечтать,
Что деды-прадеды в наследство
Когда-то завещали им,
Чему отцы учили с детства
И что пришлось узнать самим.

Вот и конец преданья дедов,
Поэтов — мудрых жизневедов!

САР-ГЕРЕЛ

Валентине Николаевне Терешковой

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вам, влюбленной в жизнь, в ее движение,
Вам, преодолевшей притяжение
Строгой нашей матери Земли,
Вам, блеснувшей звездочкой вдали,
Вам, чей труд, чьи испытанья, право,
Столь же велики, как Ваша слава,
Та, что в мире Вы приобрели. . .

Вам, которая почти на «ты»
С бледнолицой Сар — моей луною,
Вам, в пространство неба ледяное
Заронившей искру теплоты,

Вам, бессмертие завоевавшей,
Вам, навеки покорившей нас
Ясным мужеством не напоказ
И улыбкой женственной Вашей,
Вам вослед я устремлял свой стих,
Времени сместив напластованья,
Смешивая с вымыслом преданья
Прадедов кочующих моих. . .

Вам — во славу мужества и света —
Посвящается поэма эта.
Вам ее отдал я с первых строк
С той поры, когда еще несмело
Набирала цвет она и сок
И, как яблоко на ветке, зрела.

ПРОЛОГ

Тысячелетие тысячелетий
Переступало Солнце окоем
И, подымаясь в небо
на рассвете,
В багряном одиночестве своем
Неутомимо Землю согревало.
Чего при нем в пространствах
не бывало?!

В крошечной бездне
вихри огневые
Вращались с дикой скоростью, крутя
Частицы раскаленные. . .

Впервые
На свет являлась звездочка-дитя
И, расправляя маленькое пламя,
Мир озидала круглыми глазами.
Властитель света улыбался ей
И Землю озарял еще светлей.

... Когда ложилась отдохнуть Земля,
Он также оставлял свой пост
бессменный

И шествовал, спускаясь постепенно,
В прозрачный свой дворец из хрусталя,
На одинокое склонялся ложе;
Величье ночи созерцал он лежа...

Извечной тишины не нарушая,
Сменялась череда ночных чудес:
Раскинувшись, Медведица Большая
Покачивалась на волнах небес
И отражала Млечности течение,
Подобное медлительной реке;
Зеленовато-льדיстые свеченья
Венеры и Урана вдалеке...

Мельчайших звезд мерцанье круговое
Казалось Солнцу в этот час ночной
Сияющим венцом

над головою

Красавицы — той дочери земной,
С которой встреча — раньше или

позже —

В веках ему обещана была,
Согласно звездным знакам...

Солнцу тоже

Нужна частица нежного тепла,
Как вам и мне...

И огненное сердце

Не может собственным теплом

согреться!

И потому столетия подряд
Властитель света, истомившись жаждой,
На Землю устремлял свой жаркий взгляд,
Чего-то ожидая...

И однажды...

Однажды светоносец встал с постели
В предчувствии невиданного дня,
Случилось это в месяце апреле,
А по-калмыцки — в месяце Коня.
В то утро Огнеликий занял пост
Во всем своем величии и славе,
Являя силу и могучий рост
И золотую бороду расправля.

Весною он с особою охотой
Обогревал планет подвластных круг.
Вдруг до ушей его донесся звук...
Казалось, бегло прикоснулся кто-то
К натянутой серебряной струне...
Нет, это песня где-то задрожала,
Свежо переливаясь, в залежала,
Давяще-затхлой вечной тишине...
Какой-то женский голос пел вдали...
Сомнений нет — он долетал с Земли!
С Земли, за тонким облаком неясной,
С Земли, где посреди весенних трав
Стояла девушка в одежде красной
И пела, руки смуглые подняв,
Хвалу владыке, Солнцу золотому...
Ему, ему, и никому другому
Предназначалась девичья хвала!
Она звала... Она его ждала!..

И встрепенулся Созидатель света
И, отодвинув облако, взглянул
С высот своих на чаровницу эту.
Потом лучами радостно всплеснул,
Огнем оделся, подался вперед,

Очами искрометными сверкая,
От неба отделился... И плывет,
Как веслами, руками рассекая
Студеную густую синеву,
К ней, смуглолицей, к той, что наяву
Там, на Земле, манит его, зовет,
Неволью на себя беду накликав.
К ней! К ней — во весь разгон, во весь
разлет!
... И вот он опустился на траву,
На степь благоуханную калмыков.

ГЛАВА I

В середине месяца Коня
Овцы сыты и коровы гладки,
Молоко и масло — все в достатке,
И доносит ветер запах сладкий
В середине месяца Коня.

В середине месяца Коня
Травы пахнут и свежо и пряно,
И пылают в зелени тюльпаны,
Чашечки застенчиво клоня,
В середине месяца Коня.

В день, когда раскрылись все цветы
И в хотонах было все в избытке,
Родилась под кошмами кибитки
Девочка чудесной красоты.
Прелестью ее восхищены,
Старики премудрые сказали:
— Краше девочку найдешь едва ли,
Подлинно, она — дитя весны! —
Кто б ни увидал ее впервые,
Тотчас сердцем и умом светлел.

И назвали девочку родные
Именем сияющим — Герёл.
Имени светлей на свете нет:
Ведь «герел» и означает — «свет».

* * *

... Начинается в степи дорога.
Времени не мало и не много
Пробежало с памятного дня
В середине месяца Коня,
Не часы, не дни и не недели:
Травы зеленели, вновь желтели,
Лес, прохожих осенявший тенью,
Облетел, чтоб снова стать шумящим,
Выпадал и снова таял снег.
Будущего смутное виденье
Прояснилось, стало настоящим,
В море прошлого направив бег.
Словом, не один промчался год
С той поры...

А девочка растет.

Весело бегут в степи дороги.
Слабый жеребенок тонконогий
Стал красавцем первым табуна.
Но мелькает за весной весна.
Зубы стерлись, пожелтели... Сбиты
Звонкие певучие копыта,
И, обняв за шею скакуна,
Говорит ему хозяин в горе:
— Старый друг, мы разлучимся
вскоре. —
Да, всему приходит свой черед.
... Девочка Герел меж тем растет.

Разветвляются в степи дороги.
На закрученном бараньем роге
Много поприбавилось витков,
Все равно как на стволе — кругов.
Чертит время на лице морщины...
Сильные плечистые мужчины
Подались, пришлось им постареть...
К темным их щекам прилипла сеть,
Та, которую нельзя стереть...
Пробегают годы, как мгновенья,
И — гляди! — другое поколение
Шумно вытесняет стариков.
Что поделаешь?.. Закон таков:
Этот — в гору, а под горку — тот.
... Девочка Герел меж тем растет.

* * *

И в апреле, как-то утром рано,
Те, кто юн, и те, кто постарел,
Встретили негаданно-нежданно
Взрослую красавицу Герел.
Точно ли Герел?.. А не другая?..
Та ж вчера была еще дитя,
А у этой — черная, тугая
Гибкая коса бежит, блестя,
И почти касается земли.
Эту косу увидав вдали,
Поторапливается прохожий,
Ускоряет шаг, чтоб как-нибудь
На владелицу ее взглянуть:
Вправду ли она собой пригожа?
И пред светлым девичьим лицом
Застывает вдруг, остолбенев,
И хоть не был никогда певцом,
Слышит у себя в душе напев...

Чем Герел особо хороша?
Светится в ней чистая душа.
Две звезды из-под прозрачных век
Смотрят в сердце, словно утешая:
«Не печалься, добрый человек.
Будет радость у тебя большая».

* * *

Девушкам только скажи:

«Герел...» —
Молвят без лести и лжи: — Герел!..
Нет мастериц искусней у нас,
Лучшая наша швея — Герел.
Бархат пушистый, плотный атлас
Быстро и ловко кроит Герел.
Шубу сошьет она иль цегдек¹ —
Преображается человек.
Если изъян у кого какой —
Все исправляет ее покрой.
Эта — худа чересчур, плоска,
Та полновата в свои лета...
Тронет иголкой Герел слегка —
Где худоба? Где полнота?
Вот как легка у Герел рука!
Ситцы в руке у нее, как шелка!
Лучшая наша швея — Герел!..
Ширится слава твоя, Герел!

При стариках помяни: «Герел...» —
Скажут неспешно они:

— Герел!

Право, подобных разумниц нет!
И не ищи: не найдешь нигде!

¹ Цегдék — женская одежда.

В деле толковый подаст совет.
Грянет беда — пособит в беде.
Если в хотоне кто заболел —
Лекаря звать ли издалека?
Вы обратитесь прямо к Герел:
Знайте — легка у Герел рука!
Лучше, чем лекарь и костоправ,
Помнит целебные свойства трав,
Знаний своих не тая, Герел...
Ширится слава твоя, Герел!

Юношам лишь намекни: «Герел...» —
Скажут, что солнцу сродни Герел.
Самый застенчивый — с ней болтлив,
С ней неказистый и тот — красив.
Робкий становится храбрецом:
Сладит с любимым верблюдом-самцом!
Видно, таков он, дар красоты, —
Всех поднимать до своей высоты!
Ходит, сиянье струя, Герел...
Ширится слава твоя, Герел!
К ней что ни утро, то новый сват.
Только родители говорят:
— Наша Герел еще молода,
Наша Герел не вошла в года...
Сто женихов — стройны и ловки —
Ждут ее слова, ее руки...
Только ответа нет неспроста.
Да, ни один, ни один из ста
Сердца ее пока не задел!
Конь необъезженный — сердце Герел,
Конь, убегающий от седока.
Гонятся тщетно за ним все сто,
Не заарканил его никто,
Не заарканил его пока... .

ГЛАВА II

Если беда,
как в песне поется,
Счастьем невиданным обернется,
Эта беда пусть предстанет зримо,
Пусть не пройдет неузнанной мимо!

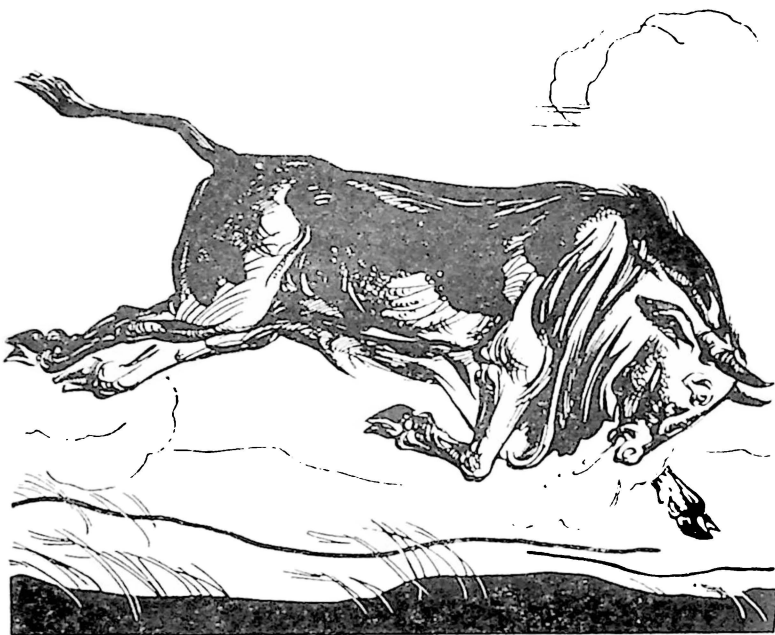
... Как-то Герел, на рассвете встав,
Сумку взяла и тропой знакомой
Вышла на поиски добрых трав,
В степь забрела далеко от дома.

Дышит раздумчивая земля
Осенью нежно и горьковато.
Пахнет она увяданьем, мятой.
Перистой сухостью ковыля...

Глянешь назад, глянешь вперед —
Ветер играет, ковыль колéбля...
Степью неспешно Герел идет,
Смуглой рукой раздвигает стебли,
Травы целебные в сумку кладет...

«Эта — для сердца, эта — для глаза.
Эта усталость снимает сразу...
Желтый цветочек многолепестный,
Если сварить из него отвар,
От лихорадки лечит чудесно,
Выпьешь — немедля спадает жар.
Этот невзрачнейший корешок,
Если стереть его в порошок
Да подмешать немного ромашки,
Кашель тотчас унимает тяжкий...»

Нету цветка, чтобы рос без толку,
Каждая травка на что-то гожа...»

Грозно трубя, за Герел вслед
Тяжко скакал бык. . .

Низко пригнув крутые рога,
Хлопья роняя пены,
Несся на красное, на врага,
Чтоб поразить мгновенно.
Алого шелка мелькавший мак
Мучил его и жег. . .
С места рванулась Герел.

Так,
Волка почуяв, степной сайгак
Делает прыжок.

Мчится Герел сквозь туман ковыля,
К дому бежит напрямик,

Вслед,
 сотрясая землю, пыля,
Бешеной бурей — бык.

Девушка мчится стрелы быстрей,
Страхом окрылена,
Мчится как птица.

 Но кажется ей,
Всё на месте она!
Нет никого, кто бы ей помог.
И, беги не беги, —
От четырех грохочущих ног
Две не спасут ноги!

Чует Герел — погибель близка,
Жжет ей затылок дыханье быка.

Топот его отдается в мозгу,
Сердце где-то у горла
Бьется отчаянно, как птенец. . .
Силы иссякли. Дыханье сперло. . .
Камень! . .

Споткнувшись на всем бегу,
Падает наземь Герел.

Конец!

Эхом в степи отдается крик.
К жертве лежащей несется бык,
Чтоб на рога поддеть!
Толстую шею он согнул. . .
Вдруг — словно выстрел воздух
рванул! —
Щелкнула плеть. . .

Стадо стерег молодой пастух.
Он и завидел издалека
Красное платье,

во весь дух

Мчащегося быка.
Соколом он взлетел в седло,
Слился в одно с лихим конем.
Вихря быстрей по степи несло
Всадника и коня вдвоем.
Степь не видала быстрей погонь —
Конь в облака взмывал на скаку! . .
Все же мерещилось седоку:
С места не сходит конь!
В кровь исхлестал он коню бока.
Ох, не догнать, не догнать быка!

Стелется пыль. . .

И в последний миг,
Только нацелился грозный бык

Жертву рогом поддеть —
С шумом перемахнув кусты,
Взмыленный конь упал с высоты,
Воздух рванула плеть.

Грозный удар угодил как раз
Между кровью налитых глаз,
Блеск их звериный на миг потух...
Молнией прянул с коня пастух.
Мигом отбрасывает от быка
Девушку.
Точно былинка легка!

Бык издает громовой клич,
Снова готов ринуться в бой.
Девушку заслонив собой,
Вновь поднимает пастух бич,
Что из пятидесяти и двух
Наипрочнейших ремней свит,
С крепкой сандаловой рукоятью...

В детстве слышал я об этом сказ,
И как живую вижу сейчас
Смуглую девушку в красном платье.
Веки сомкнула, как будто спит...
Словно из бронзы пастух отлит,
Он и в груди и в плечах широк...

... Снова удара с отяжкой звук,
Вновь оглушен круторогий враг.
Юноша мышцы свои напряг
И, наклонившись слегка вперед,
Мертвою хваткой могучих рук
Комли обоих рогов берет,
Правый и левый сжимает рог,
Голову бычью к земле гнет.

Молча, жестоко идет борьба!
Кто одолеет — решит судьба.

Вот, на колено одно припав,
В силе теперь утрóясь,
Вовсе исчез пастух между трав,
В землю войдя по пояс.

Кто одолеет — решит судьба...

Ноги быка — четыре столба! —
Тоже почти неприметны в травах:
В толщу сухую степной земли
Мало-помалу они вросли,
Только похрустывая в суставах...

Древняя молча идет борьба.
Кто одолеет — решит судьба.
Бык упирается. Он хрипит,
Не поддается врагу. Напружась,
Шею собрал в упрямые складки...
Но не спасись от железной хватки!
И вылезают глаза из орбит,
В злобных зрачках нарастает ужас,
Ужас до самых костей проник.
Клонится пред человеком бык!

Голову бык опускает вбок,
Ниже и ниже — в степные травы,
Их орошая слюной кровавой,
Клейкий из них выжимая сок.
Кончена битва.

Бык лег.

Юноша все ж поднажал немного
И, опьяненный избытком сил,

Два острия, два огромных рога,
Будто играя,

в землю вонзил:

— Ты с человеком тягался, зверь!
Низко ему поклонись теперь!

... Только сейчас он вспомнил о той,
Из-за кого с такой быстротой
Мчался,

кого он успел спасти

От смертоносных рогов быка.

Девушка эта ему незнакома.

В бледном лице разлилась истома...

В чувство спеша ее привести,

Он из дорожного бурдюка

Брызгает, плещет в лицо ей воду,

И открывает она глаза.

Глянул пастух... И дух занялся:

Глуби такой не видал он сроду!

Смотрит она. Смущена чуть-чуть.

Платье свое спешит отряхнуть,

Ласково шепчет:

— Спасибо, брат!

Юноша все не отводит взгляд

От соболиных бровей вразлет,

От увлажненно-свежего рта...

Девушка смотрит — сама доброта!

С травами сумку свою берет;

Легким движеньем встала с колен.

— Имя мое, — говорит, — Герел.

Имя твое мне скажи!

— Церен... —

Не растерявшись в схватке с быком,

Он до того сейчас оробел —

Еле ворочает языком.

— Храбрый Церен!

Отец мой и мать
Будут добром тебя поминать! —
И, улыбнувшись ему, она
Быстро уходит — ловка, стройна.
Платье, как пламя, горит, дразня.

Из-за холма сверкнуло... И — нет!
Крепко держа под уздцы коня,
Смотрит смущенный пастух ей вслед,
Сам не поймет, что творится с ним.
Да уж каким смельчаком ни слыви,
Время придет — и захватит в плен!

Нынешний день, удалой Церен,
Счастьем тебя подарил двойным:
Счастьем победы,
Счастьем любви.

ГЛАВА III

Вот чем она обернулась, беда!
Все рассказала дома Герел.
Поволновались родные тогда:
— О маани¹, о маани!
Боже спаси! Боже нас сохрани! —
В ужасе мать шептала не раз. —
Ну и Церен!.. И силен и смел!
Дочку от гибели страшной спас!

Девушка кончила свой рассказ...
Молча отец на мать посмотрел
И усмехнулся едва-едва:
Добрая шла о Церене молва!

¹ М а а н и! — восклицание (заклинание),
соответствует русскому «Боже сохрани!».

... Осень прошла и зима за ней.
Но с пробуждением весенних дней,
Как зажурчали в степях ручьи,
Кто-то в хотоне заметил вслух:
— Новые сваты к Герел...

— Чьи?

Кто же сто первый?

— Церен-пастух.

Следом за сватами наконец
С почтенным отцом Герел
Встретился мудрый Церенов отец.
— Поговорить я давно хотел... —
Потолковали друг с другом отцы:
— Так уж оно суждено, видать...
Только начнется месяц Овцы,
Можно, пожалуй, свадьбу сыграть. —
Славно задумали старики!
Месяц Овцы — благодатный май —
Счастье приносит в калмыцкий край:
Вдоволь и мяса и араки!
«Свадьба готовится!»

Эту весть

Тут же спешит по кибиткам разность
Свистом и щебетом

птичий народ,

Из дымохода спеша в дымоход... —

«Свадьба готовится!»

На Земле —

В белом своем биизэ¹ — весна.

Соки играют в любом стебле,
Степи бескрайняя быстрина
День ото дня зеленей, живей...

¹ Б и и з э — девичье платье.

Степь! Красоту твою вспоминая,
Полнится песней душа степная.
Снова пишу о весне твоей.
Степь!..

Не с тобой ли одной привык
Радость и горе делить калмык?
Все, что в душе у него не вместилось:
Жизнь ли ему подарила милость
Или — случилось чаще оно! —
Сердце, обидой обожжено,
Ныло, болело невыносимо,
Разве он к матери шел родимой? ..
Если страданья сносить невмочь,
В силах ли мать и отец помочь?
Может, к ровеснику шел он, к другу?
Другу и так приходилось туго,
Были равны мы в своей судьбе.
Степь!..

Он к тебе приходил, к тебе,
Все претерпевшей, перевидавшей,
В горестях певшей и расцветавшей,
Дышащей мудростью давних лет...
Только с тобой он держал совет.

Ты утешала своим величием,
Благоуханьем, говором птичьим,
Блеском и шелестом трав живых
Нищих калмыков — предков моих.
Ты у потомка в душе теснилась,
Ночью полярной, бывало,
снилась, —
Выскажешь боль на груди твоей
И пробудишься — вдвое сильней... .

Ты приди, приди ко мне сюда,
Покажись из-за кургана, милый!
Будь благословенна та беда,
Что с тобою встречу подарила!»

* * *

И случилось, что весенней ранью —
Было это в месяце Коня —
Собралась Герел, как на свиданье...
И отец, и мать, и вся родня
Пред зарей в кибитке спали сладко.
Вышла из дому Герел украдкой.

Отправлялась девушка тайком
На свиданье с утреннею степью,
С предрассветным светлым ветерком,
С Солнцем, что во всем великолепье
В этот час всплывает над травой,
Поднимает посох огневой.

Взмах!.. В алмазы превратились росы.
Взмах другой!.. И сад кругом разросся
Позабытой нами красоты...
Огоньки — лиловый, желтый, красный —
Засверкали на траве атласной,
Задышали, ожили цветы.

Донник — золотистые сережки,
И ромашка на высокой ножке,
И тюльпан, и желтый чистотел,
И румянка, и кипрей лиловый,
И чудной цветок змееголовый —
Все они приветствуют Герел.
Все они с Герел заводят игры,
Гладят ноги ей, щекочут икры,
И в глаза глядятся.

Сколько их!

От сверканья, воздуха, простора
Зарыдать иль засмеяться впору —
На Герел нашел веселый стих!
Дома ходит чинно, честь по чести,
Так, как полагается невесте,
Воздаст родителям почет.
А в степи она — совсем другая:
Как ребенок, прыгает, поет,
От цветка к цветку перебегая.

Отбирает лучшие в букет.
Искрятся цветы, меняют цвет,
Друг пред дружкой хвалятся нарядом.
Не сочтешь чудесных перемен! ..
Но Герел кого-то ищет взглядом
И зовет, как будто кто-то рядом:
— Мой Церен! .. Поди сюда, Церен! ..

Никого-то рядом с ней не видно,
И она румянцем залилась,
Рукавом прикрылась:

«Ай, как стыдно!

В детстве, что ль, не наигралась
всласть?!

Кто еще подслушал, может быть...
Хорошо ль невесте так шутить?!»
Но бурлит в ней радость бытия
И на волю рвется неустанно.
Ликованья больше не тая,
На вершину старого кургана
Поднялась Герел... Поет меж трав,
К небу руки тонкие подняв:

— Солнце! .. Ты своею доброй властью
Радости даруешь всем живым.

За тепло, за молодое счастье,
Солнце, мы тебя благодарим!

Солнце! Ты сегодня не затем ли
Разоделось в праздничный наряд,
Чтоб еще прекрасней сделать землю
Для далеких внучек и внучат?

Солнце! Опустись на землю к нам!
Погости у нас хоть миг единый!
Радости великой половину,
Огнеликое, тебе отдам! ..

Так нечаянно Герел послала
Приглашенье Солнцу самому
И, по простодушью своему,
Не беспокоилась нимало.
Просто так пропела, наобум,
Что пришло на сердце и на ум.

Но внезапно чудо приключилось:
Огненное
 облако спустилось.
От него, как блики на воде,
Разбежались искорки везде,
Словно кто-то в щедрости своей
Разбросал пригоршнями червонцы...
Облако все ближе, все плотней,
Огненную сделалось грядой,
Зыбкий край внезапно отвердел...
И тогда увидела Герел
Старца с ярко-рыжей бородой:
В гости к ней пожаловало Солнце!

ГЛАВА IV

Вскрикнула Герел:

— О маани! —

И, молитвенно сложив ладони,
Как ее прабабки искони,
Перед Солнцем замерла в поклоне.
Но потом опомнилась немного
И сказала гостю, распрямясь,
Гордость человека сохраняя:
— Внучка вас приветствует земная!
Дедушка, мы рады видеть вас!
Как здоровье? Как прошла дорога?

«Дедушка»!.. Такое обращенье
Причинило гостю огорченье.
Но пока что он стерпеть решил
И Герел ответить поспешил,
Как пристало дедушке — степенно:

— Что ж дорога?..

Путь обыкновенный.

Все же Солнце я, не кто-нибудь.
Солнцу ли страшиться расстояний?
Собирался я давно взглянуть,
Каково живете вы, земляне.
Нет ли жалоб или пожеланий?..

Поклонилась вежливо Герел
И сказала:

— Старец огнелицей!

Свет ваш землю славно обогрел.
Ваша милость нынче не скупится —
На поля и степи шлет в избытке
Волны драгоценного тепла...
Дедушка, я в гости вас звала.
Дайте провожу вас до кибитки,

Чтоб могли доподлинно узнать,
Хорошо ль гостей мы привечаем.
Подкрепитесь там калмыцким чаем,
Порасспробуйте отца и мать
И других отцов и матерей...
Моего они куда мудрей,
Лучше понимают жизнь людскую,
Знают, чем он дышит, белый свет.
Ведь они, как вы, — преклонных лет...

Слыша речь разумную такую,
Улыбнулся было важный гость
(Все кругом заискрилось, зажглось!),
Но о возрасте упоминанье
Ввергло вновь его в негодование,
Молнией в глазах блеснула злость,
Брови рыжие нависли круче, —
Словом, Солнце стало туча тучей.
И однако ж красота Герел
Взгляд его манила восхищенный,
Объясниться он скорей хотел,
Так же, как любой другой влюбленный,
Как любой ничтожный сын Земли...

И воскликнул он:
— Герел, внимли!
Древнюю тебе открою тайну...

Любопытствуя необычайно,
Из приличья молвила Герел:
— Тайну — мне?! Мой ум еще незрел,
Дедушка...

С о л н ц е

Молчи, моя звезда!
О Герел!.. Я знал тебя, когда
Не было тебя еще на свете!

Сквозь века я образ твой узрел.
И за тысячу тысячелетий,
В ожидании тебя, призрел
Все живое на твоей планете!
Для тебя узорами соцветий
Изукрасил я земной предел.
На крылах любви перелетел
Леденящие пространства эти
Для тебя одной, моя Герел!..
Что молчишь, краса моя земная?
Я — огонь! — сгораю от любви!
Говори, Герел!..

Но заклинаю:
Дедушкой меня ты не зови!

Герел

Дедушка!.. Ой!.. Солнышко!.. Простите,
Слов таких я слушать не должна...

Солнце

О Герел! Предсказан ход событий,
И судьба твоя предрешена!
Славный жребий твой издревле ведом,
И не изменить путей твоих!
Знай, тебе я прихожусь не дедом,
Я — твой суженый, я — твой жених!
И едва ты дашь свое согласие —
Ты познаешь, что такое счастье!
Ты избежнешь участи печальной
Горьких, смертных дочерей Земли...
Мой дворец, блистающий, хрустальный, —
От забот и горестей вдали.

И притом, Герел, хочу сказать я,
Пусть идет мне миллионный год, —
В небесах у нас особый счет
И свои приличья и понятия.

Звезды есть у нас куда постаре,
Кое-кто и вправду поостыл.
Я ж, Герел, в расцвете буйных сил,
Я — в зените жизни, я — в разгаре.
Видишь, излучаю жар и пыл!..
О Герел!..

Герел

Я вижу все, как есть...
И поверьте мне, о Светозарный,
Что прискорбно быть неблагодарной
За высокую такую честь!
Как подумать, что во всей Вселенной
Вы других избранниц не нашли,
Кроме девушки обыкновенной,
Кроме скромной дочери Земли!
Мне такое и во сне не снилось!
Солнце!.. Бесконечна ваша милость
И великодушью нет границ!..
Щедростью своей, своим дыханьем
Вы дарите счастье всем созданьям,
О владыка трав, зверей и птиц!
Вам покорна наша жизнь земная,
И весна, и ликованье дня,
Вот он — вокруг меня кипит, звеня...
Солнце, это все я понимаю,
Но поймите, Солнце, и меня!
Не гневьтесь на прямое слово,
Не мечите молний, как сейчас,
Так, что страшно мне глядеть на вас!
Я... О Солнце! Я люблю другого!
Солнце всемогущее!

С высот,
Через дымку тучек легковейных,
Наша жизнь, должно быть, предстает
Точно с муравьями муравейник.

Но в груди любого муравья,
 Как бы он для вас ничтожен не был,
 Сотни солнц пылают, блещет небо...
 Здесь, в груди, Вселенная своя!
 Меры нет сердечным нашим глубям,
 Звездный мир души — неисчислим.
 И свои светила мы растим
 Только для того, кого полюбим,
 Будь он даже скромною особой.
 Мир любви, о Солнце, мир
особый!

Это — наша высота высот,
 Где душа сгорает, не сгорая...
 Человек, любовь свою теряя,
 Человеком быть перестает!

Солнце!.. Об одном прошу смиренно:
 Позабудьте, Солнце, обо мне!
 Радость сердца, клад мой сокровенный,
 Звезды и миры моей Вселенной,
 Все, что я растила в глубине, —
 Отдала я пастуху Церену!..

Что там ни предписано на небе,
 На земле иной мне выпал жребий:
 Солнце, тут не может быть замен!
 Мой избранник, мой жених — Церен!

Голосок Герел звенел так страстно!
 В правоте своей убеждена,
 Не боялась ничего она,
 Хоть тогда же поняла прекрасно,
 Что судьба и жизнь ее в руках
 Старца, изрыгающего пламя.
 Но пособник зла —
стоглазый страх —
 Не всегда имеет власть над нами...

Нарастая до одной черты,
До своей предельной высоты,
И перехлестнув ее с размаха,
Страх теряет силу, облик страха,
Страх послушен нам и укротим
В час, когда за правду мы стоим. . .

Был ответ Герел так прям и ясен,
Что его не истолкуешь вкось.
Это понял и надземный гость,
Но уйти ни с чем он не согласен. . .

С о л н ц е

О моя Герел! . . Слова твои
Обличают острый ум природный.
Все, что ты сказала о любви,
И возвышенно, и благородно.
Но, слагая гимн любви своей,
Защитив ее с завидной силой,
В яростном пылу своих речей
О моей любви ты позабыла.
А мои мечты? . . Моя тоска? . .
Холод одиночества? . .

И гулкий
Посвист мирового сквозняка? . .
Нет, Герел! . . Я ждал тебя века
И сюда отнюдь не для прогулки
Совершил опасный перелет!
За тобою вслед я повторяю:
«Человек, любовь свою теряя,
Человеком быть перестает».

Проще говоря — в разлуке с милым
Для тебя на свете нет житья.
Ну, а для меня, Герел? . .

Ведь я,
Потеряв тебя, любовь моя,
Тоже перестану быть светилом!
Ты, Герел, забыла обо мне!
И к тому же по твоей вине
Могут люди пострадать другие,
Близкие тебе и дорогие:
Мать, отец и этот... твой жених...
Ты, Герел, забыла и о них!

Не шути, красавица, со мною!
Соглашайся быть моей женою,
На своей планете жизнь продли!
А иначе я

 лицо земное
Превращу в кладбище ледяное,
Отвратясь навеки от Земли!

Герел

Солнце! .. Нет, мне изменяет слух...
Странность мне слышалась такая...
Солнце, вы... Нет, нет, не допускаю!
Светлый дух, великодушный друг!
Вы, сияющее божество,
Чтоб достичь желанья своего,
На угрозу вы идти готовы,
Справедливости попрасть основы,
Силу применить? .. И для чего? ..
Это совершенно бесполезно!
Хоть сейчас меня ввергайте в бездну,
Насылайте холод и пургу! ..
Я же полюбить вас не могу!
Свет вовек не совместится с тенью,
Это ясно вам, владыке дня!

Где любовь — нет места принуждению,
Сердце не послушает меня,
Что ему немило — то немило!
Повторять ли сказанное вновь?
Вероятно, Солнце пошутило. . .
До свиданья! . . Если надерзила,
В том не я повинна, а любовь!

Солнцу головой кивнув слегка,
В степь пошла Герел.

И, как ни странно,
Только степь в лицо дохнулапряно,
Зашептала и заговорила,
Так Герел тотчас же позабыла
И слова и облик старика
И опять беспечна, как ребенок. . .
Может, все привиделось спросонок? . .

Поскорей бы добежать в хотон:
Перед свадьбой дома столько дела! . .
Но в степи внезапно потемнело.
Пал туман. . . Откуда взялся он?
Да когда же он успел сгуститься? . .
Смолкли и кузнечики и птицы.

Туча, что ли? . . Ни дождя, ни грома!
Дико стало все и незнакомо.
Вдруг какой-то луч полуслепой
Прорвался. . . Герел назад взглянула. . .
Видит: огненной своей стопой
Солнце оком перешагнуло
Прямо в бездну. . .

И в нее нырнуло.
И сейчас же на небе, мигая,
Звездочка зажглась, за ней другая,
Синей мглой оделся небосклон,
Ночь над степью крылья распростерла. . .

Девушка глаза свои протерла:
«Звезды в полдень?! Может, это сон?»
Нет, и вправду степь в туманной мгле.
Страшно так, как не бывало сроду.
«Значит, вправду тот, огнебородый,
Отомстил всем людям, всей Земле?!»

* * *

С плачем девушка идет к хотону.
Из хотона слышны крики, стоны.
Кто-то горько проклиняет ночь.
У кибиток люди, сбившись вместе,
В барабаны бьют, стучат по жести,
Чтоб немедля убирался прочь
Арахá — жестокий, черный дух,
Чудище, которое, по мнению
Стариков древнейших и старух,
Солнце пожирает в час затмения.

Грохот, крики, уханье сыча...
Кто-то многоликий, многогогий
Тянется во мраке по дороге,
Завывая, блея и мыча...

Что тебе у нас в хотоне надо
Араха?!

Да нет же, это — стадо,
Раннею застигнутое тьмой,
Воротиться вздумало домой!..
Вон коровы. Вон бредут собаки.
Щелкнул бич... Знакомый голос глух.
Хоть лица не различить во мраке,
Но Герел узнала, кто пастух!

— О Церен! Из-за меня беда! —
Девушка взывает, горько плача. —

Я, Герел, одна всему виной!
Всех мудрейших созови сюда!
Пусть рассудят, что стряслось со мной
И могла ль я поступить иначе?!

ГЛАВА V

Ветер, ночь ли, осень ли, зима —
Странная пора сошла на Землю,
Степи, дальние леса объемля. . .
Сразу потускнело все вокруг,
Глуше стал и цвет и даже звук,
Точно прекратилась жизнь сама.

Мгла сгущалась. . . И притом с востока
Ветер ледяной задул жестоко,
Словно тысячи холодных змей
Кóльчато вползают под рубаху. . .
Лечь ничком и заскулить со страху?!
Да не то в уме у матерей —
Тщатся все же сделать жизнь теплой!

Эта достает из сундука
Для детишек теплые пожитки,
Та дыру в кошме своей кибитки
Чем-нибудь пытается заткнуть,
Третья, взяв побольше кизяка,
Под треножником огонь разводит:
Если даже Солнце и не всходит,
Жить-то людям надо как-нибудь!

А старухи, с четками в руках,
Вид хранят невозмутимо строгий
И бормочут: — Рассердились боги
И людей оставили впотьмах.
Ведьма нашу Землю прокляла,
Насылает нам погибель — Зут,

Но темны пути добра и зла:
Боги и накажут и спасут...

А мужчины, те, косясь на бабок,
Все же не теряют хладнокровья
И из молодого поголовья
Отобрав животных самых слабых,
Загоняют их в кибитки:

— Ну же!

Не упрямясь! Пропадешь

от стужи!... —

Голоса слышались из мглы:

— Эй, калмыки!.. На совет!

На сбор!.. —

Скачут улицей во весь опор
Молодые всадники — орлы, —
Удалых коней своих пришпоря,
Мчатся лихо, как на торжество.

... О веселье горя!.. О подспорье
Человеку в трудный час его!..

* * *

Был назначен важный этот сбор
У подножия одной из гор...
На опушке векового леса
Сыпал искры и трещал костер.
И в полнейшем равенстве друг с другом,
У костра расположившись кругом,
Люди разных званий, лет и веса
Меж собой вели негромкий спор.

Каждый думал так, как он умел,
Каждый говорил, что думал он...
Был хотон уже оповещен
О свиданье Солнца и Герел.

Рассуждал о том юнец бедовый
И его отец седоголовый,
Шутками блистали острословы,
Для которых жизнь всегда игра.
И Герел

с отцом своим почтенным,
Рядом с женихом своим Цереном,
Рядом с кротким мудрецом Цеценом
Молчаливо грелась у костра.

Долго длился спор, но тем не менее
Люди к заключенью не пришли,
Всех томили страхи и сомненья,
И хотелось всем услышать мненье
Мудреца из мудрецов Земли.

Доброту его и ум великий
Уважали не одни калмыки,
И не только в нашей стороне,
Но в краях заморских

знали цену
Мудрецу калмыцкому Цецену.
В тонком этом деле,

несомненно,
Разберется лишь Цецен вполне.
И когда привстал он

и во тьму
Устремил спокойный взор провидца,
Тотчас обратили все к нему
Озаренные вниманьем лица.

Голос мудреца был слаб и тих,
Речь его дышала добротой.
— Люди, это случай не простой. —
Он сказал. — Не знали мы таких...
Здесь не место гневу или злости.

Мы решим, кто прав, а кто неправ,
Только обе стороны поняв:
И Герел и солнечного гостя.

Солнце? .. Что ж, у Солнца, может
статься,
Кроме силы, есть и правота:
Девушка Герел — его мечта.
От мечты легко ли отказаться?

А Герел? .. Да разве мы вольны
Поведенья требовать иного
От невесты, будущей жены?
Ведь она дала Церену слово!
Правда — здесь. Но правда есть и там.
Как разделишь правду пополам? ..
Вы решенья ждете от меня?
Приговор судьбы здесь не годится:
Тот, кто прав, не может быть судим.
Подождем до завтрашнего дня
И смиренно возблагодарим
Солнце,

если Солнце возвратится...
— Ну, а если Солнце не взойдет,
Значит, гибнуть всем с Землею
вместе?! —

Чей-то низкий голос прогудел. —
Голод, холод, бед невпроворот —
Вот какой достался нам удел!
А загвоздка — лишь в одной невесте!
Справедливо ль, честь ее храня,
Весь народ обречь на злую муку?

Старец поднял сухонькую руку:
— Подождем до завтрашнего дня.

Все примолкли.

В этот самый миг
Слабый огонек во тьме возник,
Стук копыт донесся отдаленный.
Слышно — кто-то скачет из хотона,
Машет факелом...

Раздался крик:
— Эй, на помощь!.. Эй, скорей сюда!..
Волки нападают на стада!

На коня вскочил Церен
и те,
Кто покрепче был и поудáлей,
Кони их шарахнулись, пропали,
Точно растворились в темноте.
Лишь копыта цокают, звеня...

Ветер взвыл... Иль это голос волчий?..
И друг к другу — сиротливо, молча —
Прижимались люди у огня,
За спиною чуя темноту,
Ледяную, жадную пустыню...
Дождь пошел. И превратился в иней,
Замерзая тут же, на лету.
Видно, землю гололед одел.

В ожиданье смерти неминуемой
Люди были сумрачны, как тучи...

И как раз тогда к ногам Герел
Черный, трепетный упал комок.
Девушка очнулась...

Что такое
Шевелится возле самых ног?
Наклонилась... Тронула рукою...

Ласточка замерзшая! Едва ли
Отогреть ее теплом руки!
Лапки жалко скрючены. Отпали
Отмороженные коготки.
Крылья в воздухе обледенели.
Бьется слабо. Дышит еле-еле...

«Птица бедная, полуживая!»
Сердце у Герел от боли сжалось.
Слезы побежали по лицу.
Ласточку дыханьем согревая,
Девушка сказала мудрецу:
— Гляньте, дед Цецен! Какая
жалость!

Был в раздумье погружен Цецен,
Но услышал он слова Герел.

Ласточку он взял с ее колен,
Долго и задумчиво смотрел
В черные дробинки — глазки птичьи,
Влажные, как будто бы в росе. . .
Помолчав, сказал:

— Вникайте все
В мудрые слова старинной притчи.

ПРИТЧА О ЛАСТОЧКЕ

В сказках правдивый смысл заключен.
Слушайте притчу давних времен.

С локоть тогда был взрослый мужчина.
Конь, говорят, был с зайца, не выше.
Море в ту пору было с овчину.
Небо в ту пору было с крышу.

В те времена на краю Земли,
Где облака в горах залегли,
В дикой, суровой стране камней
Ханствовал некий угрюмый Змей.

Змея терзал недуг, говорят:
Что ни увидит — все жрет подряд,
То, что дышало и не дышало. . .
Все ненасытной утробе мало!

Камень сглотнет, берется за птицу,
На своего же гада польститесь,
А насыщения нет как нет! . .
Так проболел он сто сотен лет.

С виду как будто и слаб и стар,
Жадность зато
что ни год — сильней.

Тут-то в страну, где ханствовал Змей,
Тонко трубя, залетел Комар.
Было ли Змею не в меру худо
(Без толку дерево съел с утра)
Или такая нашла причуда,
Только спросил он у Комара:
— Ты, брат, иные видал государства...
Нет ли от голода где лекарства?

И, услышав обращенье «брат»,
Радостью подлой Комар объят.
Стал он болтливей, стал смелее.
Стал набиваться в лекари Змею.

— Всеядовитейший! — пропищал

он. —

Корни болезни вашей понятны.
Что послужило ее началом?
Вы, о Ползучий, увы, всеядны.
Кушать изволите все, что рядом,
Что деревянно и что железно.
Пища без выбора бесполезна.
Впрок не идет она даже гадам!
Всякие там коренья да травы —
Этим вовек не наестся, право!
Разве такое сравнится с кровью?!
Скользкий! Одну изберите пищу,
Чтобы жирнее была и чище,
Да и вкушайте ее на здоровье!

На Комара

прищуренным глазом
Змей посмотрел, точно в первый раз...
«Всякой букашке отпущен разум», —
Втайне подумал

и дал наказ:

— Друг, отправляйся в луга и чащи,
Все язычком своим перепробуй!
Пищу сыщи для меня послаще,
Чтоб я возрадовался утробой!

И, услышав обращение «друг»,
С писком Комар проплясал свой круг
И полетел, по змеиному слову,
Пробовать кровь у всего живого.

Пьет, с высочайшего изволения,
Кровь — и звериную, и людскую, —
Пьет и причмокивает, смакуя,
И, наконец, составляет мненье...

Гордый догадливостью своею,
Чуть не вприпляс он пустился к Змею,
Да на пути, у большой реки,
С Ласточкой встретился легкокрылой.

— Что ты, Пискливый, — она
спросила, —
Пляшешь, как будто хлебнул араки?

Начал Пискливый пред ней хвалиться.
Стал он рассказывать умной птице,
Как, не щадя комариных сил,
Важную оказал услугу
Змею —

родному брату и другу.
И, подбоченясь, Комар спросил:
— Знаешь ли, птица, какая пища
И благородней другой, и чище,
И драгоценней всего от века?

— Что ж, о Пискливый? ..

— Кровь человека!

В воздухе что-то ему чертит,
Ножками тоненькими сучит,
Крутится, мечется вправо, влево...
Змей посмотрел, зашипел от гнева:
— Смеха достойна твоя игра! —
И проглотил самого Комара.

... Вот что о Ласточке говорится
В притче правдивой старых времен.
Род человеческий ею спасен,
Ею наказан низкий злодей.
Нынче же

правнучка мудрой птицы
Мучится здесь на глазах людей.

Так завершил свой рассказ мудрец.
— Помню, слышал я другой конец.
Да и начало слышал не то, —
Словно с собой рассуждая вслух,
Вымолвил старый-престарый пастух,
Прежде гонявший отары пастух.
Лет ему, верно, стукнуло сто,
Может, перевалило за сто...
— Притчу о ласточке слышал я часто,
Дед ее сказывал и отец,
Ночью, когда сторожил овец.
Притча о ласточке мне знакома,
Только рассказанная по-другому.

Вот ведь, Цецен, какие дела:
Ласточка эта — совсем не птица.
Прежде чем птицей оборотиться,
Девушкою она была.

Так-то красива, так-то мудра,
Все языки превзошла человечьи,
Да и змеиное знала наречье,
Да и пицание комара.

Речи звериные разумея,
Всех поняла — комара и змея.
Вот и решилась на колдовство:
Ради спасения рода людского
Ласточкой стала круглоголовой.
Только не ведала одного,
Лишь одного и не знала слова —
Как человеком сделаться снова.
Птицей она навсегда осталась,
А ведь с каким женихом рассталась!
Мертвой нашли ее на пути.
Было ей горько, было и тяжко...
Не пожалела жизни бедняжка,
Чтобы других от смерти спасти!

— Так и нужно людям поступать!
Девушка вела себя отменно! —
Низкий голос прогудел опять,
Тот, что раньше возражал Цецену. —
И Герел согласие дать должна,
Не светилу гневному в угоду,
Пусть собой пожертвует она
Для народа, чтоб помочь народу!

— Пусть Герел пожертвует собой! —
Люди закричали вразнобой.

И, поникнув головой красивой,
Ни жива Герел и ни мертва...

Но встает Цецен... Его слова,
Как всегда, просты, неторопливы...

Человеку, что судил всех строже,
Говорит он ласково:

— Сынок!

То, что здесь, на круге, ты изрек,
Будто бы на истину похоже,
Справедливо будто бы. Но все же
Есть в твоих суждениях порок.
Убоявшись холода и мрака
(Что вполне простительно, однако!),
Ты, под жестким натиском невзгод,
Приказал Герел весьма сурово:
«Пусть народу жертву принесет!..»
Ты, сынок, упомянул народ,
Но скажи, что значит это слово
И какая мысль таится в нем?
Всякое ли скопище зовем
Славным этим именем?

Едва ли

Так бы нас праправнуки назвали,
Если б дали мы Герел наказ, —
Мол, «собой пожертвуй ради нас,
Ты, Герел, одна за всех в ответе!».
Так народ не поступает, дети!

Свойственно народу чувство чести.
Мы ж сейчас, как стадо, сбились вместе,
В страхе покоряемся судьбе,
Каждый думает лишь о себе,
О своей беде, своей кибитке...
Верьте мне, народом нам не быть,
Если мы не сделаем попытки
И любовь и правду защитить!

Потому что подлинный народ —
Это справедливости оплот.
Разума и сердца торжество
Он осуществляет без помех.

Здесь
 один
 горой стоит за всех.
И стеною
 все за одного!
Облеченный истинною властью,
Он — что камень
 и литая медь.
Жить с таким народом —
 честь и счастье.
За него почетно умереть.

Вот такой народ — работник, воин! —
Жертвоприношения достоин.
В испытаньях он и тверд и смел.
Мы ж, не заслужив такого званья,
Вправе ли мы ждать самозакланья,
Самоотреченья от Герел?!
Испугавшись темноты и стужи,
Что ни час мы делаемся хуже,
Мужество теряем
 на глазах,
Нас достоинства лишает страх!
Повторяю: надо ждать рассвета...

— Дед Цецен! Гляди, рассвета
 нету! —

Крикнул кто-то.

— Истекает срок...

Ты ж приучен разбираться в звездах,
Сдвинулись они... Но черен воздух
И ничуть не посветлел восток!
Солнце нынче не вернется к людям!

И сказал Цецен:

— Тогда мы будем
Не один — семь дней и семь ночей
Дождаться солнечных лучей!
С холодом мы справимся работой.
Силой духа одолеем мрак.
Так, о люди?! —

С явной неохотой
Люди все же отвечали:

— Так.

ГЛАВА VI

День или ночь? .. Мертв окоем.
Черной клюкой стуча,
День стал ночью. Ночь — днем.
Ни одного луча.

Вместо весенних дождей — пурга.
Дико в степи, глухо...
Скот пропадет без кормов.

Снега́

Верблюду по брюхо.
В сумрак

хотон погружен сплошь.
Бабкам во тьме бредится:
«Ох, человек, от богов не уйдешь!»

Голод.

Гололедица.

Ночь или день? ..

Черным-черно

Нынче на белом свете.

«Ох, человек, пропадешь все равно!»
Холодно.

Плачут дети.
Плачет земля о былом тепле.
Когти ветров — остры.
Звезды — на небе.

И на земле
Скорбные звезды — костры.
День или ночь?

Неуследим
Ход их в глухом тумане.
К небу восходит горчайший дым
Горестей и страданий.
Даже отдельные деревья
Вырублены до корня...
Степь — словно бритая голова.
Стало ветрам просторней.

Рвутся в кибитку. Треплют кошму,
Хрипло визжат от злости.
Голос их сводит людей с ума.
Кажется людям, что смерть сама
На ледяном погосте
Пляшет и, вглядываясь во тьму,
Дует в дуду свою — гаганьму —
Из человеческой кости.
Пляшет, кривляется чья-то тень —
Смерти, судьбы ли, черта?..
Третья ночь или третий день?
Вечность
иль день четвертый?

Нет ни луча.
Над головой —
Хохот сыча.
Собачий вой
Людам сулит злую беду.
Дует смерть в гаганьму-дуду...

Г е р е л

О Церен! И я того не знаю!
Может, Солнце и продлило б мечь,
Может, все осталось бы как есть
Даже после моего согласия.
Но скажи мне, что такое счастье?
Думалось — нет в мире ничего,
О Церен, твоей любви дороже. . .
Я люблю Церена моего.
Любим мы по-прежнему. . . И все же. . .

Если вправду вымрет все живое
И останутся на свете двое,
Уцелеем только мы вдвоем,
Разве счастье мы с тобой найдем
В ледяной пустыне, на могилах
Матерей, отцов, подружек милых?!

Ц е р е н

Что тебе сказать, моя Герел? . .
От неисчислимой силы вражьей
Защитить бы я тебя сумел!
День и ночь стоял бы я на страже,
Чтоб тебя, любовь мою, сберечь.
Я бы на дракона поднял меч,
Если б он к нам заявился в гости. . .
Но, Герел, на ледяном погосте
Прекращаются любви права:
Где иссякла жизнь — любовь мертва,
Страшно сердцу в этой бездне черной.
Вымрет все: надежда, радость, гнев,
И навек замрет, оледенев,
Ключ любви, источник животворный.
Без людей, без дружбы и участия
Нас добьют отчаянье и страх.

Нет, на человеческих костях
Человеку не построить счастья!

Я сказал, что думал. Не сердись!

Г е р е л

Милый, те же мысли родились
И во мне. Мне тоже так казалось. . .
Милый, за твою прямую душу
Всей душой благодарю тебя.
Что бы там потом со мной ни случилось,
Помни, я обета не нарушу,
Одного тебя всегда любя. . .

Ц е р е н

О Герел! Ты говоришь, как будто
Ты со мной последние минуты,
Точно сотня ядовитых стрел
Сердце бедное твоё пронзила.
В этой мгле ты — словно бы вдали.
Но седьмые сутки не прошли,
Может, сжалится ещё светило. . .
Веселее будь, моя Герел!

Г е р е л

Для веселья нет причины, милый. . .

С верного пути не сбились кони.
Мрак вокруг немного поредел:
Кое-где горят костры в хотоне.
Вот кибитка, где живет Герел.

Под кошмою говор приглушенный. . .
Гости собрались. . . Но где же
мать?

Матери в кибитке не видать.
Вкруг огня — все старики хотона.
А в углу, похоже, кто-то спит,
Толстыми овчинами прикрыт,
Тяжело и слабо их колышет —
Кажется, овчины сами дышат.

Дед Цецен взялся за кочергу,
Угольки разгреб. . .
— Садитесь ближе,
Ближе придвигайтесь к очагу.
Нелегко приходится? Я вижу,
Что за эту тяжкую неделю
Вы как будто вдвое повзрослели. . .

Но тревожит что-то старика:
Нет в лице спокойствия бывшего.
Нехотя, цедя за словом слово,
Приступает он издалека:
— Дети, если океан в волненье —
Рыбке, говорят, несдобровать.
Учит жизнь терпенью и терпенью. . .
Ты, Герел, спросила: «Где же мать?»
Из кибитки вышла мать вчера:
Отвязалась у нее корова,
Сами знаете — мороз суровый
Да еще кругом такая мгла. . .
В темноте тропу найти легко ли?
Чуть, бедняга, не замерзла в поле.

Девушку как будто обожгло.
Вызова понятны ей причины:
Там, в углу, где зыблются овчины,
Мать лежит и дышит тяжело.

Вся в слезах

Герел ломает руки.

— Плачь, Герел! —

сказал другой старик. —

Долг наш перед матерью — велик.

Не оплатишь материнской муки,

День и ночь ее благодаря.

Мы, калмыки, говорим не зря:

«Если мать попросит, вскипяти

Чаю даже у себя в горсти».

Плачь, Герел, над ней и над собой,

Но поплачь и о своем народе.

Ведь седьмые сутки на исходе,

Нелегко тягаться нам с судьбой.

Мать отбросила овчины, села. . .

Страшен вид ее в рубахе белой,

Голос кажется чужим, тугим:

— Слышишь, дочка, помоги другим!

Людам, людам надобно помочь.

Трудно людам. . . Помоги им, дочь!

И плывут в дыму перед Герел

Скорбные, измученные лица. . .

Да, седьмые сутки пытка длится,

Не пора ли положить предел?

Девушка в слезах глядит на мать,

На Церена, на других, опять

На Церена. . . Вздогнула от боли:

«Разлучиться с ним по доброй воле?!»

Столько у нее в глазах тоски

И любви — неутоленной, лютой, —

Что Цецен не вынес. . .

— Старики!

Час рассвета не пришел как будто.
И к тому же — надо отдохнуть.
С матерью своей, Герел, побудь!

И ушел Цецен со стариками
И Церен ушел за ними вслед.
Мать уснула. . .

Пляшет красный свет.
Съежилась Герел, глядит на пламя.
В теплую золу кладет ладонь
И тихонько говорит:

— Огонь!
Ты, что всех отважней и мудрей,
Душу робкую мою согрей!
Ты, могучий и прекрасноликий,
Силой одари меня великой!
Расточающий во тьму

лучи.

Озари Герел

и научи!

О цветущий в глубине тумана!
Не твои ль живые языки
Шевелятся, словно лепестки
Красного огромного тюльпана?!

И не ты ли борешься со мглой,
Высоко взлетая над землей
Птицей краснокрылою?

И все же

Черной осыпашься золой.
И тебе, быть может, трудно тоже?

Может статься, чтоб светить и греть,
Надо, не щадя себя, гореть,
До конца сгореть, испепелиться,
Птицей-ласточкой оборотиться
И людей от гибели спасти.

Истомившись без тепла и света,
Люди ловят добрые приметы,
Веря и не веря — пополам, —
Что, замечу, свойственно и нам!

. . . Утренняя вспыхнула звезда.
Час рассвета близок. . .

И тогда
Новый слух кибитки облетел:
— Люди, поспешите к Меч-горе!
С Меч-горы
на утренней заре
В небеса поднимется Герел!

Меч-гора — ох, стара она!
Меч-гора — что вверх, то и вширь!
Меч-горе стоять и стоять.

В стародавние времена
Поднял свой булат богатырь,
Сжав тяжелую рукоять,
Возгласил:

— Пускай племена
Позабудут слово «война»!
Да вкусят все люди покой,
Перестанут колоть и жечь!

И воткнул могучей рукой
В землю
свой боевой меч!

Что воды с тех пор утекло! . .
Меч песками обволокло.
Поливало его дождем,
Опалял его летний зной,
Обвевал его вихрь степной,
Нарастали скалы на нем. . .

Тот обросший камнем
булат
Меч-горою стал, говорят.

У подножия Меч-горы
Пред рассветом сошлись на зов
Люди из окрестных краев.
Здесь они развели костры,
И во тьме зловеще-багров
Был неверный отблеск костров,
Словно крови поток стекал
С Меч-горы

по уступам скал.

А на самом верху, где пик
В облака ушел напрямик, —
Там, пылая словно тюльпан,
Разрывая черный туман,
Далеко озаряя тьму,
Небывалый костер горел. . .
И увидели все —

к нему

По горе всходила Герел.

Поднималась она, легка,
И казалось издалика —
Не касалась рукой своей
Ни кустарника, ни камней.

Словно бурею взметена,
Вверх по гладким скалам

она

Поднималась легкой стопой.
И предстала перед толпой
Наверху — меж огней и звезд,
Распрямившись во весь свой рост.

Красным светом светился пик,
И в толпе, притихшей вокруг,
Не один промолвил старик,
Произнес отец не один:
— Этот день ты запомни, сын!
— Этот день ты запомни, внук!

А Герел стояла, стройна,
Красным светом озарена.
Подняла она руки ввысь
И сказала: — Страданье мое! —
И сказала: — Желанье мое!
Белым лебедем обернись!

И едва воззвала Герел,
Лебедь, словно облако бел,
В небесах широко плеснув,
Опустился, встал на горе,
И горел его красный клюв
Жарче красных углей в костре.

И заплакала вслух Герел,
Как не плакала отродясь,
Посмотрела вокруг Герел,
На все стороны поклонясь:

— Вы, родные мои, семья! . .
Вы, степные мои края!
Дайте я на всех погляжу. . .
Я от вас навек уйду,
Потому что я вас люблю
От земной любви во хмелю,
Совладать не умея с ней,
Истерзала я вас, казня,
Целых семь беспросветных дней! . .
Вы простите, люди, меня!

Только лебедь из глаз исчез,
Только он ушел в небеса,
Вслед за ним — в черноте небес —
Узкой щелкою

полоса

Обозначилась, разлилась,
Разбежались пучком лучи,
Красный, розовый брызнул свет. . .
И, ликуя,

люди в ночи

Закричали:

— Рассвет! . . Рассвет! . .

А лучи лились без конца. . .
Снова сын увидал отца,
Снова брата увидел брат.
И узнали все, говорят,
Что на свете прекрасней нет
Человеческого лица.

И, увидев опять вдали
Ширь степей

и простор полей,

Все узнали, что нет милей,
Чем лицо родимой Земли. . .

А когда отогрелись все,
А когда насмотрелись все
На забытую красоту,
На сияющий мир земной, —
Все увидели в небе

ту,

Что такую тяжелой ценой
Людям свет вернула и жар,
Принеся свое сердце в дар:

Был ясен Солнца светозарный лик,
Однако на щеках чернели пятна. . .
Происхождение их теперь понятно:
В чертог Свеговластителя проник
Дым от костров, курившихся в тумане, —
Прогорклый, едкий дым людских страданий!

. . . Навстречу девушке спешит Великий.
Но пятна черные на светлом лице
Напомнили Герел, какое зло
Земле несчастной
Солнце принесло.

И вот Луна-Герел, в приливе гнева,
Бегом от Солнца, к западу, налево
Летит в струистом биизе своем
Легко переступила оком
И спряталась. . .
(Напору силы грубой
Случается порой и уступить,
Но совести и сердца не купить,
И то, что нам не любо, — то не любо!)
Тысячелетия тысячелетий
Прошли с тех пор. . .

Но только на рассвете
Проглянет Солнце —
трепетна, бледна,
Сойти с небес торопится Луна.

Так было и пребудет неизменно,
Покамест день еще сменяет ночь:
Луна от Солнца убегает прочь,
Верна Герел любимому Церену. . .

А что Церен?

От горя и печали
В хотоне всех он избегал вначале
И в одиночку (иль вдвоем с Луной?)
Блуждал в степи серебряной, ночной.

Потом пронесся по кибиткам слух
(Охотно рассуждаем мы о ближних!),
Что стал общительней Церен-пастух,
Но все же он — чудака и чернокнижник.
Что по ночам он строит корабли,
С пристрастьем изучает птичьи крылья, —
Короче, прилагает все усилья,
Чтоб оторваться от родной Земли
И где-то там, в дали неодолимой,
С невестой встретиться своей
любимой.

Кипучая жила в Церене сила.
Но в небеса подняться он не смог,
В своих исканьях горько одинок.
Не это ли ошибкой главной было? . .

И говорят, что завещал он внукам:
Да посвятят они себя наукам
И в небо дерзко устремят полет,
Там храбрецов нетерпеливо ждет
Луна-Герел
в извечной круговерти.

И те, что ради счастья всех людей
Способны жизнью рисковать своей,
Стяжая славу,
не подвластны смерти!

Пастух Церен свершенья не достиг,
Желанной цели не сумел добиться.

Но сквозь века летят легенды-птицы
И гнезда выют они в умах людских,
Приносят птицы в клювах золотых
Познания зерна, мудрости крупицы.
И может стать, в этот век чудес,
В котором мы ведем беседу с вами,
Для смельчаков, проникших в глубь
небес,

Церенова мечта — не за горами. . .
(«Не за горами! . . .» Разве не смешно,
Что некогда преградой были горы?)
Мудрейшим и храбрейшим суждено
Пуститься в дальний путь, должно быть,
скоро.

Они, усилия объединив
И подкрепив познанием порыв,
Преодолели прошлого ошибку.
И тем, кто мудр и беззаветно смел,
Готова подарить свою улыбку
Луна-Герел, иначе — Сар-Герел.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНЬ ЧУДЕСНОЙ ПТИЦЫ.

Перевела Ю. Нейман 5

ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ.

Перевела Ю. Нейман 22

РАВНЫЕ СОЛНЦУ.

Перевел Л. Пеньковский 43

САР-ГЕРЕЛ.

Перевела Ю. Нейман 75

Для старшего школьного возраста

Кугультинов Давид Никитич

САР-ГЕРЕЛ

Сказки

Ответственный редактор *А. М. Соломонов.*

Художественный редактор *Н. П. Кожилова.*

Технический редактор *Е. М. Захарова.*

Корректоры *Л. П. Дмитриук* и *Н. А. Сифронова.*

Сдано в набор 25/II 1970 г. Подписано к печати 24/VII 1970 г. Формат 60 × 84^{1/16}. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 8,4. (Уч.-изд. л. 6,57). Тираж 50 000 экз. ТП 1970 № 413.

Цена 45 коп. на бум. м/мел.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 754.